

ЗА ЭТОЙ ДВЕРЬЮ
СТРАННЫЕ
ИСТОРИИ

Тарас Панов

Тарас Панов

За этой дверью странные истории

<https://litres.ru/73890334>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждая дверь — это обещание. За одной скрывается уютная спальня, за другой — пыльный чердак. Но есть двери, которые лучше не открывать. Двери, ведущие в подвал, которого не должно быть в вашем доме. В комнату, где живут ваши худшие воспоминания. В лифт, который едет только вниз.

В этом сборнике собраны истории о порогах, которые переступают обычные люди — из любопытства, отчаяния или по глупости. Здесь мистика переплетается с паранойей, древний ужас прячется в бытовых мелочах, а каждый скрип половиц за спиной напоминает: вы уже не одни. Добро пожаловать. За этой дверью очень странные истории.

Содержание

Кружись	4
Будильник	13
«Гуща решает!»	21
День одиночества	30
Минус первый	37
Судьбы плетение	45
Где-то в море-океяне...	54
Дождь обещали только внутри	93
Отдел памяти	100
Последняя битва	106

Тарас Панов

За этой дверью странные истории

Кружись

— Он привёл её в просторный зал. Казалось, будто здесь когда-то проходили торжественные балы, о которых она так мечтала, зачитываясь любовными романами. Словно в подтверждение её мыслей, по периметру зала загорелись свечи, а из динамиков, развешанных по углам, полилась музыка. Прекрасный чувственный вальс. И он закружил её в танце. Кружил, пока они не достигли дальнего конца зала, где стояло большое зеркало. Когда оказались рядом, девушка вдруг поняла: отражалась лишь она одна. Вампир! — последнее слово Серёжка выкрикнул, пытаясь напугать собравшихся возле костра.

Девчонки вздрогнули, но не от страха, а от неожиданности. Кто-то недовольно застонал. В Серёжку полетели пустые пивные банки.

— Да разве это история? — возмутилась Лера.

— Вот именно, мог что-нибудь поинтереснее придумать!
— послышался голос Кости, развалившегося неподалёку на

плеле.

— Эй, ну вы чего! — Серёжа обиженно подскочил, уво-
рачиваясь от новой волны мусора, которым его закидывали
товарищи. — Сами тогда рассказывайте свои страшилки!

Он развернулся и убежал к себе в палатку. Все знали, что
он не обиделся, потому как подобная ситуация повторялась
из раза в раз, и Серёжка специально придумывал какой-ни-
будь шаблонный рассказ, лишь бы не принимать участия в
их традиционной «ночи страха».

Этот ритуал ребята придумали давно, ещё на первом
курсе. И теперь, десять лет спустя, каждый раз собираясь
вместе, неизменно исполняли его. Всю ночь рассказывали
страшные истории, от которых многим становилось не по се-
бе.

Тогда, в первый раз, когда они ещё были молоды, исто-
рии получились слегка простенькими, обыкновенными. Кто-
то пересказал увиденный ужастик, кто-то вспомнил реаль-
ную историю маньяка, снабдив её мистикой и неприятными
деталюми. Но со временем ребята научились повергать друг
друга в состояние настоящего ужаса, придумывая жуткие ве-
щи, от которых кровь стыла в жилах.

Один только Серёжка не любил эти ночи страха, потому
что в принципе не любил ужастики. Но обожал своих уже
бывших одноклассников. Любил кутить, проводить время
на природе, жарить шашлыки и, конечно же, выпить. А те
обожили его за добродушный характер. И даже за эти его вы-

ходки у костра, разбавляющие угнетающую атмосферу.

— Ну и что? Ни у кого нет хорошей истории?

Это сказала Наташка, идейный лидер группы. Благодаря её фантазии и упорству они и собрались впервые десять лет назад. Благодаря ей и рассказывали тогда страшные сказки. Так что можно было сказать, что она — сердце всего мероприятия, которое начиналось как обычная студенческая попойка, а закончилось здесь, на поляне под звёздами.

— Могу про призрака из башни, — подал голос Егор, её муж.

— Да ты надоел уже! В прошлый раз нам голову морочил своим призраком, теперь опять. Когда новое будет? — недовольно забурчал Коля.

— Да, товарищи, стареем, — Настя поднялась, собираясь отправляться в палатку. — Всё зомби, вампиры да оборотни. Иногда призраки. Закончились в мире ужасы.

Ребята зашевелились. Увидев, что все как-то поостыли и хотят разойтись по палаткам, Наташа горько вздохнула. Предыдущая встреча была плоха, но эта побила все рекорды. Пропал запал у команды, ничего не поделаешь. Да и осталось их мало. Раньше и народу было больше, и историй. А теперь у кого дети, у кого работа. Неудачный брак или наоборот, удачный. Многим уже не было дела до их встреч.

Вдруг с края поваленного дерева, на котором они сидели, послышался тоненький голосок. Ира, новенькая. Костя только недавно познакомился с ней, и они начали встречаться.

Выглядела она вполне обычной, но очень стеснялась всех, вот и сидела там, с краю. Весь вечер её никто не замечал, а тут вдруг все вздрогнули, услышав голос.

— Я знаю одну историю. Тётка рассказывала, когда я маленькая была.

Ребята замерли. Те, кто успел встать, вернулись на свои места. Даже Серёжка выглянул из палатки, предвкушая что-то интересное. Наступила тишина, нарушаемая только треском поленьев в костре и стрекотом насекомых, прячущихся в траве. Костя привстал на своём пледе, удивлённый, будто бы и сам впервые услышал голос девушки.

Ира не спеша пересела поближе к костру, чтобы всем было хорошо слышно. А затем начала рассказ.

Когда я ещё была маленькая, у меня было предостаточно комплексов. То нос кривой, то уши большие. Пока я росла, один такой комплекс сменялся другим, постоянно заставляя меня чувствовать себя неполноценной. И, конечно, помимо прочего, генетически я пошла в мать: широкие бёдра, широкие плечи. Лишний вес, с которым сложно было бороться.

К моменту окончания школы какие только способы я ни испробовала, чтобы похудеть. Английская диета, кето-диета, какая-то ещё диета. Смеси для похудения. Особые чаи. Однажды даже, скрывая от матери, купила в переходе метро особые таблетки и принимала их. Таблетки оказались с яйцами каких-то глистов, и вместо похудения я получила про-

блемы с кожей, пищеварением, волосами. Паразитов вывела и забыла подобные методы, как страшный сон.

И вот мне восемнадцать. Первый курс. Новые люди, новые друзья. Новые мальчики, которым я, естественно, хотела нравиться. Да только ненавистный жир заставлял меня чувствовать себя недостойной их внимания. А когда я узнала, что некоторые посмеиваются надо мной, то вовсе впала в депрессию.

Как-то раз поздним зимним вечером возвращалась домой после шести пар и факультатива по английскому. Улицу заметал снег, так что даже в свете фонарей дорогу едва было видно. Вдруг я услышала, как мимо проехал автомобиль, а затем смогла увидеть, как он останавливается в нескольких метрах передо мной. И ждёт.

Я, конечно, струхнула. Но медленно пошла вперёд, краем глаза косясь на незнакомую машину. Прошла мимо. Ничего. Однако стоило мне отойти шагов на десять, как автомобиль вновь поехал, обогнал меня и остановился. Вот теперь мне было страшно. Бежать там было некуда, разве что назад, к метро. Стоило мне развернуться, как я тут же уткнулась носом в грудь мужчины, который шёл по пятам. Он схватил меня, и я услышала только, как приближается автомобиль, а затем отключилась.

Проснулась в маленькой комнате, едва освещаемой светом лампы. Стены были обшарпаны, кое-где отвалилась штукатурка, краска выцвела почти по всей поверхности. Полы

— жутко грязными, все в пятнах, будто здесь не убирались десятки лет. Пуховика на мне уже не было, как не было и обуви. Но спасибо, хоть одежду оставили.

Тишину нарушил громкий щелчок откуда-то сзади. Я развернулась и увидела, что в дальнем конце комнаты включилась лампа. Она светила на кресло, в котором сидел огромных размеров мужчина. Из-за света его практически не было видно: только руки, ноги и лысая макушка. Сказать, что я испугалась? Нет. Я была в ужасе.

Я закричала. Закричала так громко, как смогла. Не сдерживалась. Почти сразу же сорвала голос, но продолжала кричать, забиваясь в угол. А что мне оставалось? Я думала, что сейчас умру. Но великан не шевелился. Казалось, что он вообще не живой. Когда я уже не могла кричать, а только хрипеть и первая волна страха сошла, то услышала тихий низкий голос, отскакивающий от стен.

— Кружись.

Это всё, что он сказал. Я не пошевелилась. Не знала, что делать. Тогда он повторил:

— Кружись.

Затем, не дождавшись моей реакции, начал медленно подниматься. Мне вдруг стало так страшно, ещё хуже, чем в первый раз. В этом его замедленном движении было столько угрозы, что я подумала, что с жизнью можно прощаться. И я не стала дожидаться, когда великан встанет окончательно. Выползла на середину комнаты, встала и начала кружиться.

Увидела, как он так же медленно садится обратно.

Кружиться было сложно. Почти сразу сбилось дыхание, и без того нарушенное страхом и криками. Сердце бешено колотилось, угрожая вылететь из груди. Когда я падала, великан повторял своё «Кружись». И я кружилась. Пока не упала без сил. Тогда свет над ним погас, погружая кресло в темноту, а я осталась лежать на холодном полу, мокрым от моего пота.

Не буду рассказывать подробностей, но продолжалось это долго. Как я узнала уже потом, когда вернулась домой, прошёл почти месяц. Каждый день великан заставлял меня кружиться до тех пор, пока я не оставалась без сил. Мне давали пить воду, но почти не кормили. Я не понимала, чего он от меня хочет.

В один прекрасный день вместо привычной комнаты я увидела салон автомобиля. Того самого. Меня привезли практически к дому и бросили на улице. Мать, увидев меня, узнала не сразу. Все вещи мешком болтались на исхудавшем теле. Волосы повыпадали, кожа была ужасной. Глаза и губы воспалены. Но когда я добралась до зеркала в своей комнате, я увидела главное. Увидела, во что превратилась. Ни грамма жира. Превосходное тело. То, о чём я мечтала.

Меня таскали по врачам. Мать, конечно же, силилась меня откормить. Полиция принялась разыскивать похитителя. Но я знала, что таинственный великан никакой не маньяк. Что он помог мне, когда я так сильно нуждалась в помощи.

Я наконец-то полюбила себя.

И вот теперь, двадцать лет спустя, когда у меня уже трое детей, а тело моё вновь расплнело и не желает приходить в норму после последних родов, я всё жду, когда он появится. Когда автомобиль вновь остановится рядом, а огромный мужчина схватит меня и увезёт в маленькую грязную комнату. Когда я вновь увижу его в кресле и услышу заветное:

— Кружись.

Тишину в их лагере нарушало только потрескивание поленьев в костре. Ребята сидели вокруг, задумчиво разглядывая всполохи огня. Каждый думал о чём-то своём, но никто не поднимал глаз на Иру, закончившую свой рассказ. Её тихий голос действовал гипнотически, буквально повергая в транс. Они живо представили себе картину, которую рисовала девушка: маленькая комната с обшарпанными стенами и грязными полами. Кресло, в котором сидит великан.

Они не услышали, как в темноте что-то зашевелилось, приближаясь к поваленному дереву, на котором они сидели. А затем раздался низкий голос, возвращая всех к реальности:

— Кружись.

Девчонки завизжали, разом повскакивали со своих мест. Ребята обернулись и увидели Костю, который тут же расхохотался.

— Придурок! — крикнули ему.

— Жуть какая-то... — подала голос Наташка.

По голосу было слышно, что она, хоть и напугана, но довольна. Они получили именно то, что хотели. И только Ира сидела, не шевелясь. Она не сказала, что тётка вновь пропала месяц назад. Что камеры, зафиксировавшие её похищение, сняли огромного мужчину, лицо которого скрывалось в тени. И что, несмотря на все усилия, её так и не нашли. Но она знала, что тётка вернётся. Такой, какой всегда хотела быть.

Будильник

Когда я была ещё совсем мелкой, от горшка два вершка, как любила говорить моя мама, меня каждое лето отправляли в деревню к бабушке. Уж не знаю почему, но я это дело не любила. Странной она мне казалась, эта бабушка Соня, несмотря на то что я особо и не понимала ничего. Родители добирались до деревни, буквально оставляли меня на пороге, кричали бабушке: «Если что, звони!» — и растворялись в темноте. Почему в темноте? Электричка была самая поздняя, приезжала уж за полночь, а там ещё пешком километра три. Вот они меня оставляли, а сами — домой. Почему на ночь не оставались? И я не понимала. А они не говорили никогда.

На самом деле они не любили бабушку Соню точно так же, как и я. Не просто не любили — боялись. Только для меня это было что-то вроде случайного чувства, совершенно необъяснимого. А вот они обо всём знали, но старались молчать. Почему? Да потому что бабушка им так наказала. Воспитание мне собиралась дать особое. Мать моя в своё время ей отказала, но всё же бабушку боялась до икоты. И обязалась каждое лето, до совершеннолетия моего, оставлять меня у бабушки. Сделка у них такая вроде как была. Чтобы свою душу спасти, моей расплатилась.

Эти ежегодные три месяца я всегда помнила довольно хо-

рошо. Бабушка жила довольно далеко от деревни, на отшибе. Там, пока до соседей дойдёшь, семь потов сойдёт. Мы постоянно ходили в лес или в поле собирать травы, грибы, коренья. Бабушка рассказывала про их свойства и про то, чем они могут быть полезны или опасны, заставляла запоминать. Иногда, когда она забивала курицу или утку, потрошила и показывала, какие части для чего лучше подойдут: для приворота или отворота, для гадания или ещё чего. Я тогда особо ничего не понимала, но интересно было, хоть моментами и противно. Ещё помню, таскались к бабушке ежедневно: то деревенские морды, которые приелись уже и я сто раз их видела, то городские, то вообще не пойми кто. Бабушка всех принимала в гости, но они всегда запирались в дальней комнате. Меня не пускали. А она всегда говорила: «Не время ещё».

А вот об этой дальней комнате — особый разговор. Для меня она всегда была закрыта. Я лишь краем глаза успевала увидеть, что внутри, когда бабушка со своими гостями выходили оттуда. Пучки трав, развешенные на стенах, сушёные куриные лапки и головы, такие скукоженные и забавные, но всё же вызывающие отвращение. А ещё предметы. Куча разных предметов на большом, занимающем половину комнаты столе. Там были чёрные свечи, какие-то черепа и кости, хрустальный шар. Но больше всего мне запомнились не они.

Иногда к нам в гости приходили «особые клиенты», как называла их бабушка Соня. Как правило, эти люди всегда

рыдали, бормотали что-то несвязное и жутко пугали меня своим видом. Каждый раз, когда они заходили в комнату, я видела на столе большой красный будильник. Круглый, с двумя шапочками звонков наверху. Они закрывались, и я слышала плач, вопли, визги. Я ждала. Это могло длиться часами, но я всегда знала, когда закончится — тогда, когда звенел будильник.

Единственное, чего я никогда не понимала, — куда вдруг пропадают эти гости. После таких вот встреч бабушка всегда выходила из комнаты одна, выносила будильник, омывала его на улице колодезной водой, читала какую-то молитву. Я прямо так и спрашивала:

— Бабушка, а где гости?

— Какие гости, внученька? Тебе, наверное, показалось, — всегда отвечала она.

Но я ведь видела! И всё помнила... Не единожды я пыталась доказать бабушке, что правда видела человека, но она только отмахивалась. Когда я немного подросла и стала умнее, я перестала спрашивать. Но всегда хотела посмотреть сама: в чём же фокус?

Пока бабушка не видела, я расковыряла дверные доски так, чтобы можно было прильнуть глазом и увидеть, что происходит внутри. Дождалась очередного такого гостя. В этом году ждать пришлось долго — гость показался ближе к концу лета. Старый, едва держащийся на ногах. Он был весь завёрнут в целый ворох одежды, и лица его не было видно, но за-

пах, который он источал, был настолько тошнотворным, что мне пришлось выбежать на улицу, немного отдышаться. Когда я вернулась и начала смотреть, встреча была уже в самом разгаре.

— А ведь я говорила тебе: не тяни. Год тебе дала, сказала что? За день или два до конца срока приходи, пока не поздно совсем. А теперь? Посмотри на себя! — бабушка отчитывала старика.

— Ещё... времени. Ещё... — старик говорил едва слышно, и это всё, что я смогла различить.

— Ишь какой, ещё ему! Нет, коли сделка совершена, не тебе условия её менять, — тут она показала на будильник. — Десять минут осталось. Твоё время вышло.

Старик, как мне показалось, хотел вскочить с кресла, в котором сидел, но не смог удержаться на ногах и рухнул на пол. Он сипел, хрипел, пытался ухватить бабушку за подол сарафана, но та лишь спокойно смотрела на его попытки и совершенно ничего не делала. В какой-то момент мне даже стало жаль этого старика, когда он начал жалобно скулить, умолять бабушку дать ему ещё времени. Но бабушка была непреклонна. Через десять минут и правда зазвонил будильник. И то, что случилось дальше, я не забуду никогда.

Гость вдруг замер с вытянутой рукой. Из его горла донёлся хриплый рык, утробный, страшный. Затем он дёрнулся в последний раз и затих. Торчащая из-под одежды костлявая рука вдруг осыпалась прахом, как и всё остальное тело. Во-

рох одежды просто осел на полу. А бабушка остановила будильник, спокойно встала, собрала вещи, подмела пол, собрала прах в банку, которую выудила откуда-то из-под стола. Наклеила на банку кусок малярного скотча и подписала. Я едва успела отскочить от двери, когда поняла, что бабушка собирается выйти. Тогда она меня не заметила, во всяком случае, мне так казалось.

Шли годы. Бабушка продолжала учить меня, показала разные заговоры и практики, рассказала, как можно людям помочь с различными хворями, иногда даже стала впускать в комнату, если гость какой простой попадётся. Она так сама говорила: «Вот гость простой, всего-то артрит деда замучил. Пойдём, покажу, как в таком случае быть». В основном меня впускали в комнату только тогда, когда другие старики приходили с болячками. И каждый раз, когда я оказывалась в комнате, на глаза мне попадался этот красный будильник, стоящий на одной из полок. Бабушка замечала мой интерес, но каждый раз одёргивала: нечего, мол, тут смотреть. Но я уже тогда поняла, для чего будильник используется.

Когда мне стукнуло шестнадцать, влюбилась я в одного мальчугана местного, Женьку. Из дома бабушкиного постоянно убегала, чтобы с ним по полям шататься или на речку сходить. Бабушка недовольна была, но куда уж ей справиться с такой «кобылой», как меня называли соседки. А я и правда тогда девкой крупной была, мясистой. Ещё бы — поживите вот так, по три месяца в году с бабушкой, на её масля-

ных, вкуснейших пирожках или на лапше, сваренной в наваристом, со свежей курочки бульоне. Он, правда, старался меня тихо из дома выманивать, да бабушка всегда издали слышала, что он идёт. Нога у него была повреждена сильно в детстве, так что ходил он так забавно, постоянно шаркая. «Шарк-шарк» — вот бабушка и слышала, сразу понимала, кто идёт.

Так вот, Женька, вроде как, ко мне тоже симпатию проявлял, на деревне судачили, вот мол, будущие жених с невестой. Как нас видели вместе, так сразу спрашивали: «Когда свадьбу ждатель?». Мы смеялись, но об этом не думали — да куда нам? Ещё совсем молодые, молоко, как говорится, на губах не обсохло. Счастливы мы были, от всего мира оторваны, только себе самим предоставлены. Но счастье длилось недолго — захворал Женька. Уже всеми способами лечили, и к бабушке Соне таскали, и по врачам городским, один итог — на мои семнадцать Женьки не стало.

Похоронили на кладбище, совсем недалеко от деревни. Уж не знаю, действительно ли я так сильно горевала, но бабушка почему-то решила сжалиться и показала мне будильник. Объяснила, в чём его сила, хотя я тогда уже прекрасно понимала. Заведёшь его на нужное время, слова правильные произнесёшь, предмет, который покойный при жизни любил в пепел превратишь да в землю могильную подмешаешь — и уже на следующий день вернётся он. И отмерено ему будет ровно столько времени, сколько будильник отдаст. Да толь-

ко мертвец всё равно мертвецом останется. Тело продолжит тлеть, а разум их только больше беснуется — навсегда они здесь остаться хотят. Ох, не понимала я этого.

Когда Женька пришёл, весь бледный, но всё такой же улыбчивый, я была счастлива. Бабушка дала нам целый день, и мы провели его на берегу реки. Женька улыбался, но говорил немного, в основном то, что там ему не нравится. Где это «там», он не объяснил. Сказал, что не хочет возвращаться. Когда день почти закончился, бабушка велела нам обратно к ней идти, как она выразилась, завершить сделку. Женька всю дорогу умолял помочь ему. И вот, когда мы вошли, на столе стоял этот чёртов красный будильник. До звонка оставались считанные минуты. Какая же я дура! Не знаю, Женька на меня так повлиял или просто глупость ребяческая, но я схватила будильник да со всего размаху запустила его в стену. Силы мне было не занимать — будильник разлетелся в щепки. Бабушка аж побелела вся, тут же начала какие-то ритуалы проводить да Женьку моего пыталась выпроводить. А тот только улыбался да спасибо мне говорил. Потом ушёл, с родными повидаться.

За пару дней бабушка зачахла. Ушла в поле и не вернулась. Поняла я тогда, что, уничтожив этот проклятый будильник, уничтожила и её жизнь. А Женька вскоре вернулся. Сперва я его в дом пустила. В любви всё признавался, говорил, что жизнью обязан. Собрался жить вместе со мной, свадьбу сыграть, детишек растить. Да только вот жизнь его

давно покинула. Пахло от него не тухлятиной, а сладковатой землей, сырым погребом и почему-то мокрой собачьей шерстью. Этот запах забивался в нос и оставался там на целый день.

Как-то утром он возился с курами. Уже тогда можно было понять: что-то не так. Не замечая, что за ним наблюдают, он голыми руками оторвал курице голову и начал жадно высасывать кровь. Затем перешёл к следующей, и к следующей, пока не перебил всю птицу. Я уже тогда дверь заперла и больше его не впускала. А он кричал, выл, скрёбся. Просил выпустить его. Говорил, что ему нужно моё тепло, потому как мёрзнет он очень и страшно ему одному. В один из дней я сбежала. Не знаю, где он был, но я смогла вырваться из дома и больше никогда не возвращалась.

Сейчас, двадцать лет спустя, я вспоминаю это и пишу по одной причине: среди ночи разбудил меня стук в окно. Я выглянула — никого. Дальше спать легла. И только засыпать начала, как кто-то тихо так скрестись начал. Лежала, слушала. Пока не услышала тихий, едва различимый хрип: «Танюша,пусти!пусти,родная...». Я бы ни за что не узнала этот голос, если бы не звук: «Шарк-шарк». Это Женька, совсем истлевший и замёрзший, вернулся получить немного тепла. А в голове звучало: «Тик-так, тик-так» — того самого, разбитого будильника, отсчитывающего секунды до рассвета.

«Гуща решает!»

В такую погоду, когда небо над головой серое и какое-то безжизненное, всегда хочется поскорее оказаться в своей кровати под тёплым пледом. Заварить чашечку ароматного крепкого кофе, включить какой-нибудь интересный сериал и забыть обо всём, что происходит на улице.

К сожалению, сегодня ничего из этого мне не светило. Я шёл по Арбату, спеша на деловую встречу, и вряд ли мне повезёт оказаться дома раньше завтрашнего утра. Китайские клиенты славились своими посиделками, которые ещё нужно было выдержать, прежде чем переходить к делу.

Стоп! А вот и нет, что-то мне всё-таки перепадёт! Я всего-то повернул голову, чтобы взглянуть на проходящую мимо барышню, когда заметил вывеску «Гуща решает!» и слоган под ней: «Не вы выбираете сорт. Сорт выбирает вас». На всякий случай окинул взглядом заведение. Обычная маленькая кофейня: бариста, кофеварка, стойка. Ни одного стула, ни одного стола. Свободного пространства два на два. В такие забегают, чтобы взять чашку чего-то и бежать дальше по делам. Но я, честно говоря, никогда не заглядывал, кофе пил только дома.

Взглянул на часы. Ещё тридцать минут. Оказывается, времени полно. И куда торопился? Почему бы не выпить кофе, раз уж в голове крутятся мысли о тепле? К тому же,

как название кофейни, так и её слоган вызвали у меня любопытство. Стало интересно, какой сорт может выбрать меня. Внутри никого не было, так что я спокойно вошёл, не стеснённый пространством. Колокольчик звякнул, возвещая о моём прибытии. Бариста, молодая девушка лет двадцати, улыбнулась белоснежной улыбкой, за которую любители кофе могли бы и убить.

— Добро пожаловать в «Гуща решает!». Выбирайте напиток или позовите меня, я помогу с выбором, — протараторила она и тут же отвернулась натирать внушительный агрегат, в котором варится кофе.

Взгляд поднялся к табло над стойкой. Твою-то мать! «Раф», «Хилтон», «Рафаэлло», «Айс капучино», «Бамбл» — от названий закружилась голова. Хуже были только «Маття печёное яблоко с кешью» или «Миндальный Флэт-Уайт с дополнительным шотом эспрессо и взбитыми сливками». К такому меня жизнь не готовила. С каких пор просто «кофе» превратился в нагромождение слов?

В растерянности я даже хотел опуститься на стул, которого в помещении не оказалось. Бариста повернулась ко мне, словно почувствовала, что пора приходить на помощь. Ещё раз ослепив меня своей улыбкой, спросила:

— Уже что-то выбрали?

Я неловко переминался с ноги на ногу, не зная, как признаться в том, что, в общем-то, не понял ничего из написанного. Но и это она смогла прочесть на моём лице:

— Так вам помочь? — девушка тут же схватила небольшое пластиковое меню на стойке, дублирующее то, что висело под потолком. Начала тыкать пальцем: — Вот это самое вкусное. Все, кто приходят, берут большой размер. Вот это с халвой, на любителя, но вкус приятный. Здесь вот апельсиновый сок, мне очень нравится.

Она говорила так быстро, что я не старался вслушиваться. Халва, апельсиновый сок... А где здесь кофе? Сорта? Арабика, робуста, либерика, эксцельса, стенофила? Где описание привкусов, дополнительных нот, кислотности? Я почувствовал себя ребёнком, оказавшимся в магазине игрушек, где вместо обычной машинки втюхивают космический корабль, на борту которого современники написали популярное «Крокодило-бомбардило» или как там его.

— А всё-таки на двери написано: «Сорт выбирает вас», — я поспешил прервать её, боясь узнать слишком много новых слов или, не дай Бог, вдруг заразиться странным желанием смешивать любимый напиток со всем подряд.

— Написано, — она вдруг притихла, внимательно посмотрела на меня.

Я ждал. Мы молчали и смотрели друг на друга. Ничего не происходило. Было слышно, как жужжит где-то в помещении муха: так хорошо была сделана звукоизоляция, что с Арбата внутрь не попадало ни звука. Я уже собрался покинуть эту странную кофейню, как девушка вдруг ожила, загадочно улыбнулась и заговорщицки прошептала, склонив-

шись к прилавку.

— Для таких гостей у нас особый напиток! — и отвернулась к кофеварке.

В следующую секунду машина ожила, начала перемалывать зёрна, подавать воду, нагревать измельчённый кофе и прогонять его через систему фильтрации, по капле выдавая в маленький бумажный стаканчик. Ещё секунда — стаканчик передо мной. Её лицо озаряет улыбка, будто она совершила что-то важное, хотя, как по мне, всего лишь забросила зёрна в машину и подставила стакан. Вода, насколько мне было известно, к таким моделям подаётся от водопровода.

— Сколько с меня? — я достал бумажник, готовясь расплатиться и, наконец, уйти.

— За счёт заведения. Это ещё не ваш кофе. Ваш выберет вас позднее.

Улыбка на её лице начинала раздражать, так что смысла загадочной фразы я не уловил. Ну, хорошо. Я взял стаканчик, чуть-чуть подул на поверхность напитка и сделал глоток. М-м-м, да! То, что нужно. Обычный эспрессо, без каких-либо изысков. Кофе чуть обжигал горло, но согревал нутро. Сразу почувствовался прилив сил. Я понял, что и сам улыбаюсь, демонстрируя свои не самые белоснежные зубы.

— Другое дело! Спасибо, — Поставил пустой стаканчик на прилавок.

Стало так тепло, что захотелось раздеться, но вместо этого я поспешил выйти наружу. Схватился за ручку двери. Пе-

ред глазами вдруг всё поплыло. Обернулся — девчонка всё еще улыбается, но лицо такое безжизненное, восковое. В голове кто-то будто начал нашептывать длинные непонятные названия кофейных напитков, действующие убаюкивающе. Я буквально на секунду прикрыл глаза и тут же очутился в кромешной темноте.

Вроде бы ничего не изменилось, только добавился какой-то странный запах. Не то крови, не то чего-то ещё. Где-то внизу периодически включалась какая-то машина, и её гудение заполняло пространство. Вдруг послышался звон колокольчика — кто-то вошёл в кофейню. Я тихонько позвал вновь пришедшего, но даже не услышал своего голоса. Знали бы вы, как я испугался! А вскоре гость заговорил:

— Что у нас новенького?

— Добро пожаловать в «Гуща решает!», — Услышал я девушку-бариста.

Голоса шли откуда-то спереди, но я не мог пошевелиться и не мог сдвинуться ни на шаг. В помещении, где я находился, было ужасно тесно, как в час пик в метро.

— Вот, смотрите. Фитнес-тренер! Стройная, подтянутая, при всех своих сорока пяти годах выглядит максимум на тридцать! Любит долгие прогулки, общение с интересными людьми, собак. В еде предпочитает фрукты и овощи. Мясо почти не ест, иногда рыбу или курицу.

— Гм, нет. Фитнес-тренер был на прошлой неделе, — Голос у гостя был довольно низкий и тягучий. Каждое слово он

растягивал, отчего казалось, что его речь записана на плёнку и воспроизводится в замедленном режиме. — Суховато. Хочется чего-то сочнее.

— Тогда вот, — незамедлительно ответила девушка. — Преподаватель МГУ, любитель техники. Свободное время посвящает семье и мотоциклам. Собственного байка не имеет, но знает всё о реставрации раритетных моделей. Сто двадцать килограммов живого веса. Питается исключительно стейками средней прожарки. Хотел бы заливать всё это ещё и пивом, да жена не позволяет.

Наступила тишина. Казалось, гость что-то обдумывал. Но о чём они говорили? Понятное дело, о каких-то людях. Только зачем она презентует их другому человеку? И где я, чёрт возьми?!

— Нет. Что ещё? — Снова послышались медленно тянущиеся слова.

— Последний на сегодня: переводчик, лингвист. В совершенстве знает семь языков, ещё на десятке говорит более-менее свободно. Работает с китайскими представителями в различных сферах бизнеса. Любит кофе: исключительно крепкий, без сахара.

Я вдруг понял, что говорят обо мне. Что это? Какая-то неудачная шутка? Кто-то из коллег решил таким образом задержать меня перед сделкой? Если это какой-то фокус, я хочу немедленно выйти!

— То, что надо!

— Отличный выбор! Ваш напиток скоро будет готов.

Я услышал, как девушка подошла ближе и оказалась совсем рядом, но не мог понять, где именно. Она начала стучать пальцами куда-то в стену передо мной, и каждый её стук приводил в движение место, в котором я находился. Вот пол и стены завибрировали. Что-то, что мешало мне двигаться, начало мелко трясти, а вместе с ним затрясло и меня. Снизу вдруг раздался оглушительный треск: с таким обычно измельчается кофе. Меня потянуло туда. Я понял, что начинаю спускаться. Треск становился всё ближе и ближе, и меня вдруг осенило: я в кофемашине! Это кофейные зёрна перемалываются у меня под ногами, а я так же стремительно лечу к острым лезвиям!

Паника накрыла меня с головой. Я чувствовал, что становлюсь всё ближе и ближе к источнику звука, и не мог сделать абсолютно ничего. Уж не знаю, как настолько абсурдная мысль прижилась у меня в голове, но я поверил в неё моментально. А затем пришла боль. Мои ноги с жутким хрустящим и чавкающим звуком попали под лезвия и были превращены в труху. Я чувствовал каждый их удар, чувствовал кошмарную, невыносимую боль, но не мог даже пискнуть. Тело опускалось всё ниже, и лезвия проходились по каждому его сантиметру до тех пор, пока весь я не превратился в какую-то органическую массу. И странным было то, что я всё ещё продолжал чувствовать и слышать.

Подо мной теперь находилась сетчатая ткань, похоже,

фильтр. Я услышал гудение и понял: сейчас боль усилится. И действительно, когда сверху полился кипяток, пронзая всё моё существование, я и сам стал этой болью. Не мог думать уже ни о чём, по капле стекая в бумажный стакан. Когда всё было кончено, ко мне вернулось зрение. Сверху теперь были видны стенки стаканчика, а выше — потолок. Вот показалась девушка, точнее её лицо. Она улыбалась, и я почувствовал лёгкость, будто меня несут. Она переместила меня на прилавок.

Потом меня вновь подняли наверх, начали подносить ко рту. Если бы я мог — закричал бы. Но мне оставалось только смиренно смотреть на странное существо, целиком и полностью состоящее из кофейных зёрен, собирающееся поглотить меня. Его зерновой рот раскрылся, обнажив ряд кривых зёрнышек, заменяющих зубы. Я оказался ближе и начал медленно стекать на кофейный язык, проливаясь в пространство между зёрнами и попадая куда-то вниз. Полетел по зерновому пищеводу, упал в кофейный желудок. Происходящее не укладывалось в голове. Когда последние капли самого моего существования стекли с бумажной стенки в рот существа, и я вновь оказался целым, в его желудке, если, конечно, можно так выразиться, наступила тьма.

— Вот это самое вкусное. Все, кто приходят, берут большой размер. Вот это с халвой, на любителя, но вкус приятный. Здесь вот апельсиновый сок, мне очень нравится.

Девушка тараторила, пальцем показывая на напитки в ме-

ню. Я часто заморгал, прогоняя остатки дурного видения. Всё вокруг было как раньше: прилавок, бариста, табло над головой. Злосчастная кофемашина выпустила пар, чем напугала меня, заставив вздрогнуть. Это не осталось незамеченным, и девушка подняла глаза:

— Что-нибудь выбрали?

— Нет, — с трудом поборов сухость во рту, я всё же смог вернуть себе голос. — Ничего, спасибо.

Она сказала что-то ещё, но я уже не услышал. Развернулся и ушёл. Потом ещё долго думал, как объяснить то, что произошло, но ни к чему не пришёл. И никому не рассказывал. Встреча с китайскими клиентами, кстати, прошла успешно. А вот кофе я больше никогда не пил.

День одиночества

— А, мистер Грант! Присаживайтесь. Помнится, на прошлой неделе мы вели с вами весьма любопытный спор о предметах настоящего счастья. И прошу, давайте без этих ваших сальных шуточек о том, что счастье познаётся в проведённых с моей сестрой вечерах, иначе я самолично постараюсь придушить вас как можно скорее. Отлично. Присаживайтесь, мистер Грант, присаживайтесь. Так вот, как вы знаете, в начале этой недели я имел удовольствие приобрести поместье старого Шмеллера, почившего не так давно. Того самого, верно. Казалось бы: старый ворчун ненавидел весь белый свет, однако же к концу своей жизни вдруг вообразил себя филантропом. Всюду являлся в благом расположении духа, сорил деньгами, чего с ним на моей памяти за всю жизнь никогда не случалось. Спросите, почему? А вот на предмет этого-то я и позвал вас сегодня разделить со мной бутылку прекрасного бренди. Итак, мистер Грант, передо мной дневник того самого Шмеллера, который прольёт свет на события, послужившие толчком к изменениям в жизни старика, и которые, надеюсь, расставят точки в нашем споре о предметах настоящего счастья. Прошу, не торопитесь! Вчитывайтесь внимательно, чтобы понять, что же на самом деле произошло.

Решил, что эта запись в начале всей истории позволит мне помнить о том, что нижеописанное никоим образом не является ложным или выдуманным; не может быть плодом моего воображения или результатом увиденного во сне. Хотя я и сам с огромным трудом готов поверить в случившееся, сомнений не остаётся: всё произошедшее реально и не поддаётся никаким объяснениям. Что ж, надеюсь, если кто-то это прочтёт, ему эти строки послужат добрым примером.

Июнь, 17-е.

Имел неудовольствие проснуться в пренеприятнейшем расположении духа. Всю ночь эти болваны из Вестминстера орали под окнами. А сколько раз я крикнул Бесси, этой чертовке, чтобы она вызвала полисмена? Прислуга всё больше вызывает раздражение, лают на узел, в то время как стоило бы проявить чуть больше заинтересованности в обыкновенных делах, требующих внимания. В моих делах, чёрт возьми! Ну где же они?!

Кое-как поднялся с кровати. Не представляю себе ни малейшей причины, по которой я должен делать это самостоятельно! А теперь представьте себе: ни одна из этих плутовок не отзывается. Даже Саймон, будь он неладен, не реагирует на звонок. В самом деле, что они о себе возомнили?

Нет, это уже не просто неуважение, это произвол! Проклятье, ни одного слуги в доме! Всех как ветром сдуло. Похоже, нынче ни одной паршивой собаке уже не нужно жалованье, но будь по их воле: если хотят ошиваться в Уайтчепе-

ле, якшаться с ворами и проститутками, я их отговаривать не стану. Видит Бог, я дал им всё, что было нужно, но они плюнули мне, старику, в лицо! Пусть убираются ко всем чертям!

— И что же счастливого вы находите в этих строках, мистер Джонс? По мне, так старикашку бросили, и поделом — никогда ещё не видел столь вредного прохвоста, который, к тому же, по заверению некоторых влиятельных господ, состояние своё сделал на чистом обмане. Что вы говорите? Читать дальше? Что ж, возможно, вы и правы, что нам для этого понадобилась целая бутылка бренди.

Я в невероятнейшем смятении. Нет, в ужасе! Пишу спустя время после того, как вернулся с прогулки. Кое-как упрямившись с гардеробом, я едва сумел повязать шейный платок. Руки ни к чёрту, да и зрение подводит. Не так уж важно, что обо мне могли сказать другие, однако не хотелось привлекать к себе лишнего внимания, так что вертелся у зеркала добрый час, что, откровенно говоря, почти лишило меня сил и желания выходить наружу. Однако, так как Саймона в доме не оказалось, вызвать мальчишку-посыльного придётся самостоятельно.

Выбрался на улицу. Вообразите: тишина и спокойствие! Я хотел лишь крикнуть, чтобы пройдоха с конца улицы поспешил за сообщением, но не успел и рта открыть. На меня нахлынуло невероятнейшее умиротворение. Никто не шёл ми-

мо, не имел наглости заговорить со мной, забывая мою и без того нагруженную голову своей пустой болтовнёй; двуколка не шумела колёсами по мостовой, маленький засранец Вилли не кричал о свежих новостях и необходимости приобрести у него газету за пенс. Старая карга Куолли не выскочила при моём появлении и не начала в очередной раз утверждать, будто бы мне необходимо взять в жёны её давно состарившуюся дочь, так и не познавшую мужской ласки. Коварная мегера!

С трудом добрался до Грин-парка. Каково было моё удивление, что за всё время моего пути я не встретил ни единой души? Знаете, что самое странное? Когда я всё-таки оказался на скамейке в парке, на которой по обыкновению своему подкармливал голубей, чтобы они как можно скорее с полными животами полетели в сторону дома Фрэнсиса, их-то я и не увидел! Ни единого голубя! Ни единой птицы! Весь Лондон будто бы замер в этой пронзительной тишине.

Тогда мне стало страшно. Действительно страшно. Я, как мог, побежал обратно в дом, рискуя оказаться без чувств прямо посреди проезжей части. Однако эта мелочь едва ли заботила меня, как и не заботило то, что в приступе страха я потерял свой шейный платок, и кому-то, кто осмелится подобрать его, может несказанно повезти продать сие индийское творение за кругленькую сумму. Однако же, какая глупость! Кому? Улицы Лондона были мертвы!

— В самом деле, мистер Джонс? Если вы находите забавным то, что я трачу время на столь явное сочинение в поисках ответа на предмет нашего с вами спора, боюсь, что даже бутылка бренди не скрасит моего вечера. Читать? Ох, позвольте, при всём моём уважении... Хорошо. Я дочитаю, но только ради нашей с вами дружбы.

Едва ли я смогу объяснить то, чему стал свидетелем. Последние несколько часов, пока солнце клонилось к западу, я только и делал, что молился. Молил Господа о том, чтобы он вернул всех жителей славному Лондону. Молил о пощаде, ведь мне невероятно страшно думать о том, чтобы умирать в одиночестве. Наконец, когда я остался совсем без сил, решил сделать эту запись, прежде чем отправиться во владения Морфея. Есть ли хоть малая вероятность, что всё это лишь сон? Живой, практически настоящий, но всё же сон.

Июнь, 18-е.

С трудом разлепил глаза. Не задёрнутые мной шторы отвели на застывший на губах вопрос: произошедшее вчера более чем реально. Хотелось заплакать, но я совладал с собой и, опускаясь с кровати, случайно задел колокольчик. Отбросив ненужную вещь, постарался подняться, только ноги после вчерашних молитв едва держали старческое тело, и я рухнул на пол, больно ударившись коленями при падении.

И вот, когда я уже готов был остаться в этом положении и прощаться с жизнью, я услышал чьи-то шаги на лестнице.

«Герр Шмеллер!» — возопила Бесси, и тут же раздался голос Саймона: «Герр Шмеллер, я сейчас!». Буквально через минуту дверь была открыта, и мои добрые слуги оказались рядом. Тут же подняли меня и уложили в кровать. Бесси и другие девочки делали всё, чтобы мне было комфортно. Накормили, подоткнули одеяло, добавили немного углей, потому как старые кости ломило от холода.

И я не сдержался. Принялся рыдать, как младенец, прямо у них на виду. Признаюсь, я и сам испугался своих чувств, но вот они были просто шокированы. Возможно, постеснялись узнать, что же стало причиной моего такого поведения, однако я и сам раскрыл её. Благодарил их, всячески выказывал радость от того факта, что именно они являются моими самыми близкими людьми, а также от того, что они ЯВЛЯЮТСЯ. Они есть в этом мире, и я не одинок!

Разве не писал я ранее, что был счастлив? Забудьте! Вот оно, истинное счастье! Несмотря на всё, что я совершил за свою столь долгую жизнь, несмотря на все те гадости, которые наговорил своей прислуге, они оставались рядом. Даже невзирая на столь малое, как оказалось, жалованье, что я платил им. На то, как ужасно я обошёлся со старой Хильдой, прослужившей мне верой и правдой пятьдесят лет, выгнав её на улицу. Всё равно они терпели меня и помогали мне. И я завершаю эту запись с улыбкой на лице, зная, как много ещё предстоит сделать, чтобы оставаться счастливым.

— Хотите сказать, вы и правда верите описанному старым Шмеллером? Но позвольте, разве не похоже всё это лишь на помутнение рассудка? Как не важно? В самом деле? Что же, похоже, наш спор всё-таки придётся продолжить. К сожалению, бутылку мы уже приговорили. Как думаете, не откажетесь от ещё одной? Да-да, я того же мнения. Люси! Подайте ещё бренди! Ночь, учитывая сложность предстоящей дискуссии, будет долгой. Что ж, приведите ваши аргументы, мистер Джонс.

Минус первый

Дом у нас достаточно большой: пятнадцать этажей. Жильцов, соответственно, тоже много — по десять квартир на этаж. Сто пятьдесят семей. Кто-то вроде меня жил в одиночку, но, насколько мне известно, было нас таких раз-два и обчёлся. Уж я-то точно был окружён сплошными стариками: во всех квартирах на этаже жили пенсионеры, которым постоянно что-то не нравилось. Громкая музыка? Маленький ремонт? Работающий поздно вечером телевизор? Чёртовы старики постоянно портили жизнь своим нытьём, и я, признать, люто ненавидел их.

Дважды в день я заходил в лифт, нажимал либо единицу, спускаясь вниз, либо семёрку, поднимаясь наверх. Седьмой этаж, если честно, был неудачным не только из-за жильцов — он, как и тринадцатый, постоянно являлся намазанным мёдом для различной шпаны, предпочитающей развлекаться в подъезде, а не на улице или у кого-то в квартире. Так что вляпаться в лужу мочи или свежей блевотины было проще простого. А это становилось ещё одним поводом для вечного ворчания проклятых соседей. Конечно, страдал и сам лифт.

Вот и на этот раз, когда я собирался спуститься вниз, чтобы сбегать в магазин, лифт ехал слишком уж долго. По обстановке в подъезде я уже примерно представлял, что меня ждёт. И действительно, когда двери открылись, каби-

на внутри была разрисована всевозможными сатанинскими символами, от которых бабульки, скорее всего, поспешили бы встретиться с Богом, чтобы рассказать ему, до чего дожили там, на земле.

Если граффити я ещё мог пережить, то опалённые и залепленные жвачкой кнопки лифта — нет. Перспектива надавить на резину, которая побывала у кого-то во рту и теперь распространяла бактерии по поверхности несчастной кнопки, не слишком радовала. Но наличие оной заставило меня обратить внимание на необычную вещь, которой ранее я никогда не замечал.

Прямо под цифрой один, которая сейчас была измазана чёрт знает чем, находилась блестящая и сияющая чистотой кнопка, вызывающая ряд вопросов. Во-первых, настораживал её внешний вид: абсолютно нетронутая, будто натёртая воском для увеличения вероятности быть замеченной. Во-вторых, и это самое главное: обозначение «минус один».

В нашем доме отродясь не было подвала. Точнее, был, но вход в него находился с другой стороны от подъездной двери и ключами заведовал только неприятный управдом, с которым лучше бы не сталкиваться. А такой, чтобы в него можно было спуститься на лифте — нет, никогда. Так откуда в лифте взяться новой кнопке, ведущей чёрт знает куда?

Учитывая, что выбора у меня особо не было: либо отправиться вниз на своих двоих, обходя обоссанные ступени всеми возможными способами, либо поехать неизвестно куда и

подняться на один этаж повыше, решение казалось мне очевидным. И, не задумываясь, я нажал на кнопку, приготовившись отправиться на минус первый этаж.

Электронное табло сверху вело обратный отсчёт. Никто из соседей не захотел присоединиться к моему путешествию, так что ехал я в гордом одиночестве, наблюдая за тем, как цифры сменяют друг друга. Вдруг, добравшись до первого этажа, лифт остановился. Двери открылись, выгоняя меня наружу. Я разочарованно выдохнул: вот и вся тайна. Однако кнопка продолжала блестеть, так и приманивая к себе, как бы прося: «Ну, чего ты ждёшь? Нажми на меня».

С трудом отогнав пошлые мысли, которые полезли в голову после того, как я представил, что это шепчет мне на ухо грудастая красотка с третьего этажа, я всё же ещё раз ударил пальцем по кнопке. Ничего. Ещё раз. Двери лифта закрылись. Просто закрылись, как обычно делают, когда ожидают дальнейшей команды. Я нетерпеливо принялся безостановочно жать на кнопку, желая добраться-таки до подвала. Словно в ответ на мою настойчивость, слабый голубоватый свет лифта моргнул, а затем сменился на жуткий красный, будто лампу залили кровью.

Лифт медленно поехал вниз. Настолько медленно, что я уже сто раз успел передумать, вляпавшись во что-то склизкое, пока тыкал кнопку раскрытия дверей. Ноль реакции. Мы продолжали двигаться вниз, ко всему прочему добавился жуткий лязг, будто механизмы лифта состарились на сот-

ню лет и столько же не смазывались. В подтверждение этому стены лифта стали рыжеть, как будто время шло столь стремительно, что коррозия пожирала металл со скоростью, превосходящей любые мыслимые величины, хотя двигались мы всё ещё еле-еле.

Я почувствовал, что меняюсь и сам. В лифте не было зеркала, чтобы оценить мою новую внешность, но по своим рукам я мог прекрасно понять, что состарился. Причём на добрые полвека: кожа сперва стала морщинистой, а затем дряблой, как это бывает у стариков, и обвисла, угрожая соскочить с конечностей. И без того тонкие пальцы превратились в скелет, обтянутый тонким серым пергаментом. Старческие пятна покрыли руки то тут, то там.

Я хотел было звать на помощь, стучать по стенкам лифта, чтобы кто-нибудь обратил внимание и нажал злосчастную кнопку вызова, но быстро сдался: сил уже ни на что не хватало. Начало клонить к полу, позвоночник буквально сворачивался дугой под тяжестью лет, проносящихся мимо меня. Уж не знаю, как можно было определить настоящий мой возраст, но точно я мог сказать только одно: если постарею ещё немного, то вовсе рассыплюсь прахом прямо здесь, в этом дьявольском лифте.

И он, словно услышав мои мысли, остановился. Кровово-красное освещение сменилось голубоватым. Двери открылись, и я увидел первый этаж нашего подъезда абсолютно таким же, каким он был всегда. Подумал даже, что всё это

просто наваждение и игра воображения, да только вот едва смог сделать шаг — ноги не слушались.

— Дедушка, вам помочь?

Маленькая девчушка лет пяти подскочила к лифту и выжидающе смотрела на мои попытки выбраться из кабины. Тут же подошла её мать, озабоченно оценивая ситуацию. Ей явно не нравились мои потуги. Я хотел ответить, но смог только прохрипеть что-то невнятное. Силы практически оставили меня, и я упал, полностью сокрушённый навалившимися сверху годами. Послышался сухой треск, где-то в районе бедра почувствовалась острая боль, словно кто-то взял дрель и начал сверлить мои несчастные кости.

Женщина ахнула, с воплями и причитаниями принялась прыгать вокруг, пока её маленькая дочь разглядывала моё искажённое болью лицо. Приехала скорая, меня забрали в больницу, и вернулся я пару дней спустя. И знаете что? Хватило лишь нескольких дней пожить в своей квартире, чтобы понять, что вокруг меня поселилась одна лишь молодёжь.

Каждый день я слышал грохочущую музыку. Каждый день наперебой шумели телевизоры. Груднички орал, соревнуясь в объёме лёгких. Кто-то, совершенно не стесняясь, играл на электрогитаре, причём так отвратительно грязно, что уши сворачивались в трубочку. Подъездные посиделки не прекратились, а стали только масштабнее, громче. Ежедневно за дверью раздавались гомон голосов и звон стеклотары. Казалось, будто все мои соседи там же, на лестничной клет-

ке, устраивают одну большую всеобщую попойку и пытаются свести меня с ума.

По ночам, когда всё-таки подъезд спал, я с трудом добирался до лифта. Нажимал на кнопку вызова и ждал, когда двери откроются. Заглядывал внутрь, смотрел на панель этажей. Пересчитывал: всего пятнадцать кнопок, ни больше, ни меньше. Злосчастный минус первый этаж больше не появлялся.

Так прошло несколько лет. Я стал совсем плох, соседи не прекращали своих попыток свести меня с ума и считали самым противным и ужасным дедом из всех существующих, поскольку я то и дело жаловался на шум в полицию. Однако вскоре даже полицейские прекратили обращать внимание на мои жалобы, устали от ежедневных выездов. Да и толку, надо сказать, не было никакого: они приезжали, грозили самым громким пальцем, а затем уезжали, не вправе делать что-то большее.

А я продолжал, кое-как скрипя колёсами кресла, добираться до лифта, чтобы в очередной раз убедиться в том, что заветной кнопки, которая могла бы вновь отправить меня через треклятую машину времени, в лифте не было. Память уже подводила, и в какой-то момент я перестал понимать, действительно ли был когда-то молодым и действительно ли состарился, отправившись на минус первый этаж. Теперь казалось, будто бы всю свою сознательную жизнь я провёл в этом немощном теле.

Однажды, когда я вот так сидел возле лифта, в сотый раз нажимая кнопку вызова и заглядывая внутрь, уже и сам не зная зачем, появилась маленькая девчушка. Я почти сразу вспомнил это лицо, то самое, которое увидел первым, когда лифт выплюнул меня в тот раз. Только сейчас ей было уже около десяти. Надо же, как быстро идёт время. Девочка улыбнулась, вызвала лифт. Закатила меня внутрь. Я вдруг увидел, что она опускает палец на кнопку, которой не должно было быть здесь. Цифру «шестнадцать». Я хотел было возразить, но она сказала только:

— Вам уже пора. — И выскочила из лифта.

А он начал подниматься наверх. Голубоватое освещение сменилось абсолютно белым, почти ослепляющим. И я почувствовал, будто бы становлюсь лёгким как пёрышко. Почему-то я решил, что это конец. Что я отправляюсь наверх, на небеса, чтобы наконец-то встретиться с Богом. Но это чувство продолжалось недолго. Я вдруг понял, что сижу в неудобном кресле, руки и ноги совсем затекли, а задница и вовсе не чувствовалась. Освещение вновь сменилось на голубоватое, двери лифта открылись. Снова он, первый этаж.

Я встал и преспокойно вышел из кабины, только через минуту поняв: это снова я! Посмотрел на свои руки, потрогал лицо. Хоть я и провёл последние годы как в тумане, сейчас память возвращалась, повергая меня всё в больший шок. Подошла старушка с моего этажа, собиравшаяся подниматься наверх. Я не слишком хорошо различал своих соседей, но по

улыбке вдруг понял, что уже видел это лицо. Лицо девочки, что встретила меня когда-то и что отправила сюда. Просто уже состарившееся. И только улыбка выдавала в ней ту самую девочку.

Бабулька тащила несколько тяжелых пакетов, и я, не задумываясь, бросился ей на помощь. Наградой мне была всё та же улыбка, которую я теперь расценивал как знак Божий. Мы спокойно доехали до седьмого этажа, где я проводил соседку в её квартиру. Только вернувшись домой, увидел, что прошло не более двадцати минут с момента, как я вышел из квартиры и собирался спуститься в магазин. Сложно сказать, что же всё-таки это было: помутнение рассудка, игра воображения или что-то ещё. Но больше я ни о ком плохо не думал — усвоил этот урок.

Судьбы плетение

Костлявые пальцы, уже не те, что раньше, медленно переплетали нити, то и дело задерживаясь на узлах, чтобы проверить, в правильном ли месте они образовались. Пока что всё шло довольно хорошо, если не считать маленькую зацепку в самом начале. Но убирать её не имело смысла: дальше шло как по маслу, а значит, она максимум доставит кучку обычных житейских проблем.

С книжной полки, отправив в полёт несколько древних фолиантов, прыгнул Кысь. Видимо, проголодался. Потянувшись, громко щёлкнув при этом оголёнными позвонками, Кысь обнажил острые когти и принялся натачивать их о ножку кресла, в котором она сидела, сопровождая это безобразие прерывистым мурчанием, сопоставимым по звуку с автоматной очередью.

— Я тебе, зараза такая! — рука отпустила нить и щёлкнула кота по лбу, наполняя комнату глухим ответом пустого черепа.

Кысь тут же попытался схватить её за палец, но, увидев, что тот снова закругляется, чтобы отвесить очередной щелбан, поспешно ретировался на кухню. Через секунду оттуда послышался грохот посуды и неистовое мяуканье, завершившееся довольно мерзким чавканьем. Если прислушаться, можно было уловить даже взвизгивания несчастного

грешника, который угодил коту на обеденный стол.

Она покачала головой и вернулась к плетению. Нить, которую пришлось отпустить, сейчас вяло болталась на маленьком узелке, и стоило ей снова натянуть её, как узел затянулся крепче, но сместился на несколько миллиметров.

Она остановилась. Внимательно пригляделась к положению узла в общем плетении. Чёрт возьми! Опять. Который раз она плетёт судьбу этого человека? И который раз что-то идёт не так?

С тяжёлым вздохом она выудила из-за кресла длинные ножницы, которые выменяла когда-то у Портнихи. Такие легко перерезали нити Судьбы, если уж на то была необходимость. В этот раз необходимость точно была. Такой узел, да в таком месте... Эх, бедный Пётр Аристархович. Всё тебе не везёт.

Ножницы быстро перерезали нить прямо за узлом, и плетение, теперь уже бесполезное, рухнуло на пол. Нужно чуть-чуть подождать, пока не придёт время плести новое.

Пётр Аристархович сегодня был очень занят. Мало того, что почти все инвесторы отказались от проекта, и теперь у компании огромные проблемы, так ещё вновь проявилась детская проблема.

Энурез, представьте себе! У взрослого мужика! И это после того, как всё детство его дразнили и издевались над ним. Прошло как-то само, однако же натерпелся Пётр Аристархо-

вич знатно.

А всему виной что? Дурацкие сны, которые он видел тогда. Страшный полуразложившийся кот с торчащими ото всюду осколками костей и единственным мутным глазом, которым он разглядывал тогда ещё спящего мальчика.

Петру Аристарховичу в детстве казалось, будто бы кот настоящий. Однако врачи сказали: «сонный паралич» и списали всё на перемежающиеся фазы сна.

Вот и пугался он этого чудовища, пока в какой-то момент не услышал во сне скрипучий голос. Женский. Она крикнула: «Кысь! А ну брысь!». И до того ему смешно было тогда, что страх пропал. Да и кот пропал, видно, послушал. А с ними пропала и детская проблема.

А теперь что? Как так случилось, что, услышав сегодняшней ночью во сне «Кысь!» и скрежет когтей, Пётр Аристархович вдруг вспомнил все свои страхи и забыл о том, как с ними справился. И вот — началось. У него. Сорокалетнего мужика.

А утром посыпались звонки. «Мы не можем иметь с вами дел». «Сожалеем но средства будут направлены в развитие другого партнёра». «Вы потеряли хватку, коллега. Боюсь, нам не по пути».

Всё, над чем он работал половину своей жизни рухнуло в один миг. Что, ну что могло послужить этому? У них на руках были все карты. Множество специалистов провели аналитические расчёты и выявили абсолютно безупречные

условия для роста любых инвестиций в этом году.

И вот сейчас Пётр Аристархович мчался к зданию банка, чтобы влезть в долги и хотя бы так остаться на плаву на какое-то время.

Мобильный постоянно был прижат к уху, но слышал он только гудки: сегодня с ним никто не хотел разговаривать.

Загорелся зелёный. Пётр Аристархович побежал через дорогу, совершенно не глядя по сторонам. Гудки в трубке смешались с гудками машин, но он ни на что не обращал внимания.

Где-то в глубине сознания вновь зазвучал скрежет когтей. Он услышал противный звук: так щёлкают суставы. И сразу представил себе мёртвого кота, который приглядывал за ним своим единственным мутным глазом.

Светлые брюки сразу намокли. Шум в голове, сигналившие машины, гудки в телефоне — всё смешалось в один протяжный звук. Но Пётр Аристархович не успел даже покраснеть, как обычно это бывало с ним, стоило испытать стыд.

Не успел, потому что в следующую секунду его тело с противным звуком щёлкающих суставов и ломающихся костей отлетело с проезжей части в сторону. Кот, мелькавший в угасающем сознании, казалось, улыбнулся.

— Вот так, Пётр Аристархович. В который раз.

Она отложила ножницы. Нить, теряя своё прежнее свечение, медленно падала на пол вслед за остальным плетением.

Жизнь мужчины таяла на глазах. Она всегда любила смотреть на этот последний миг, ждать, когда свет совсем погаснет. Затем останется только отправить это плетение в корзину и начать новое.

В этот момент с кухни пулей вылетел Кысь, опрокинув на ходу красивую античную вазу, стоявшую у двери. Ваза устремилась вниз, сопровождаемая её унылым взглядом, а Кысь, совершенно обезумевший, набросился на плетение и с громким воплем принялся играть с ним, запутывая ещё сильнее.

— Кысь! Я тебя ещё раз прибью, честное слово! Уйди!

Кот, услышав угрозу, выгнулся дугой и свирепо посмотрел на неё своим глазом. Шерсть, точнее то, что от неё осталось, встала дыбом и зашевелилась. На самом деле шевелились личинки, но Кыся это нисколько не смущало. Напротив, он был рад, что скоро они помогут избавиться от остатков ненужной плоти.

Она выхватила из-за кресла мухобойку и со всей силы приложила ей прямо по костлявому заду животного. «Мя-я-я!» — Кысь отпрыгнул, попутно врезавшись в стойку с нитями, и удрал под шкаф.

— Ох ты, сволочь трупцакая!

Она наблюдала, как катушки с нитями, повалившиеся со стойки, начали переплетаться между собой. Нина Иннокентьевна вдруг сплелась с Артёмом Сергеевичем, а Владимир Глебович — с Анной Филипповной. Какой кошмар! Так, а тут что?

Она подняла ту самую катушку. Несчастливого Петра Аристарховича, которого предстояло плести заново. Вот так да! Анастасия Павловна собственной персоной. Настоящая гарпия. Характер — хуже некуда. Сколько судеб она пыталась переплести с Анастасией Павловной! И всякий раз другие катушки только иссякали, а этой особы — так и оставалась полной нитей.

Да ещё и вплелась прямиком в родственные связи. Это может быть чем угодно, но она уже подозревала, что пилить Анастасия Павловна Петра Аристарховича будет, как самая настоящая супруга. Бедный, бедный Пётр Аристархович. И ведь не разделишь теперь, придётся нити вместе плести.

— Мало ему забот, так ты ещё и эту добавил, а, Кысь? Раньше хоть бизнес был, а теперь что? Свадьба, кредиты, ипотеки, развод, распил имущества, смерть в долгах? Ну и гад же ты!

Из-под шкафа раздалось довольное «Мяу» больше похожее на звук открытия консервной банки. Она покачала головой. Подняла обе катушки, примерилась к весу. В катушке бедолаги нитей осталось совсем ничего, как бы это плетение не стало последним. Зато у Анастасии Павловны, если прикинуть, плетений впереди великое множество.

Она вздохнула и снова уселась в кресло. Катушки отправились на свои места: справа и слева от неё. Нить Петра Аристарховича сразу легла в руку и тут же завязалась первым узлом. Она придирчиво осмотрела его. Кажется, на своём ме-

сте.

Кысь хищно выглядывал из-под шкафа. Единственный глаз метался из стороны в сторону, следя за её руками. Тело прижималось к полу, готовясь к прыжку.

В тот момент, когда в студенческие годы Пётр Аристархович познакомился с Анастасией Павловной и их нити пересеклись, кот метнулся к плетению и с воинственным «Мя-я-я!!!» набросился на нити. Она только и успела, что немного отодвинуть их с траектории его полёта, но всё же разлагающаяся скотина успела зацепить когтями узелок.

— Настасья Павловна. Можно просто Настенька.

— Настенька! Какое красивое имя! Я, признаюсь, поражён в самое сердце. Вы так прекрасны, Настенька!

Молодая девица и не менее молодой парень стояли на крыше политеха. Он: прыщавый и в очках, с заправленной в брюки рубашкой, замызганной припоем и чёрт знает чем ещё, а она: в коротком платье, обнажающем загорелые сильные ноги волейболистки, которые сейчас так будоражили сознание молодого гения.

— Петя, ну что ты, в самом деле, — хихикнула она, — К чему петь такие дифирамбы? Ты лучше делом покажи, делом!

Она похлопала по карнизу, призывая к действиям. Уже видел подобное ранее, Пётр Аристархович знал, что Настасья Павловна любит, когда парни декламируют стихи, стоя

на карнизе спиной к пропасти. Это, как он понял, неистово возбуждало в Настасье Павловне животную страсть.

Ослеплённый собственным желанием, он, не раздумывая, взобрался на карниз, дрожа всем тщедушным телом. Настасья Павловна смеялась, и открывшийся ему вид сверху на её грудь практически лишил бедолагу чувств.

— Кысь! Убью!

Она вскочила с кресла и помчалась за котом. Разрезанная прямо по узелку нить падала на пол. Она не заметила, что местами мохнатое чудовище всё же спасло Петра Аристарховича, если можно было так сказать. Его нить была отсечена, и катушка снова оказалась без связей.

А вот нить Анастасии Павловны в этом плетении, похоже, будет иметь ещё много различных узлов, которых ранее не планировалось.

На громкие крики сбежался почти весь политех. Подумали, будто началась война и кричит сирена. Сперва смотрели только наверх, в сторону источника столь чудовищного звука, однако потом увидели парня, лежащего на асфальте.

Настасья Павловна только и успела заметить, как из двери, ведущей на крышу, выскочил кот и помчался в их сторону. Она взвизгнула от неожиданности и, видимо, напугала парня. Бедный, бедный Пётр Аристархович. Но теперь хотя бы свободный.

Хоть нити и оставалось всего на одно плетение.

Где-то в море-океяне...

Закрыв глаза — пусто. Открыл — снова пусто. Не снаружи, нет. Снаружи как раз всё было переполнено: бушующее море, хотя, может, это был и океан; резвящиеся в небе чайки, довольно необычных размеров, форм и расцветок. Выдавал их только легко узнаваемый гогот, хотя откуда пришло это узнавание, я не знал. Нет, пусто было внутри, в голове. Ни одной мысли, ни одного воспоминания. Я поднял руки, посмотрел на свои ладони. Кажется, все пальцы на месте. Опустил глаза - с телом тоже порядок. Ноги двигаются, голова вертится. Прислушался к сердцебиению: "Тук-тук, тук-тук". Во всяком случае, всё ещё жив.

Я стоял на берегу, который круто уходил вниз, в бушующие воды. Птицы летали низко - над головой сгущались тучи, явно предвещая надвигающуюся бурю. Однако шуму прибоя не под силу было перебить какофонию звуков, доносящихся сзади. Я развернулся. Бушующие воды? Нет, здесь всё было гораздо интереснее: бушующий бескрайний лес, полный величественных, огромных деревьев. Все они качались под напором ветра, создавая причудливую мелодию скрипов и протяжных стонов.

Оттуда же, со стороны леса, доносился птичий гвалт — чайки им явно проигрывали. Лес начинался в каких-то нескольких десятках шагов от меня, и к нему прямо от того

места, где я стоял, вела маленькая тропка. В конце тропы, у ближайшего дерева я заметил фигуру — невысокий старик в мятой рубашке и мешковатых штанах собирал снасти. Ничего такого, только удочка, сети, да ведро, похоже, абсолютно пустое. Я подошёл поближе:

— Эй, мил человек! — старик не реагировал. Тогда я встал рядом, прокашлялся, обращая на себя внимание: — Эй, старче! Доброго дня!

Он наконец поднял голову, окинул меня задумчивым взглядом. Я нетерпеливо переминался с ноги на ногу — ну что этот старый хрыч тянет? Хотел было вновь заявить о себе, но старик вдруг повернулся к лесу, вытянул руку и указал мне на тропинку, уходящую куда-то вглубь. Поняв, что больше от него ничего не добиться, я только пожал плечами и не спеша пошёл вперёд.

Стоило зайти в лес, как тут же стало темно. Не совсем, конечно, но на порядок темнее, чем на берегу. Будто день вдруг сменился вечером. Тропинка под ногами различалась легко, но вот что там, между деревьев, понять было сложно. Коричневые стволы и ветви, жёлто-зелёные шапки кустов, высокая, буйная трава совершенно невообразимых расцветок — всё это сливалось в одно большое пятно, будто бы хотело отвести от себя мой взгляд.

Идти пришлось недолго - тропинка вдруг упёрлась в старую, полуразвалившуюся хибару. Она смотрела на меня тёмным дверным проёмом. Вокруг явно не было ничего, что ещё

могло бы привлечь моё внимание. Значит, внутрь. Тяжело вздохнув, будто бы впереди последний тёмный проём в моей жизни, я шагнул за порог. Раз моргнул — вдруг стало светлее. Это свет от свечей, расставленных здесь по всем углам, вдруг заплясал на стенах. Странно, что снаружи его не было видно.

Я обернулся. Упёрся взглядом в глухую стену. На всякий случай даже похлопал по ней — а вдруг у меня с головой беда? Но ладонь и правда встретила холодную, твёрдую поверхность. Из глубины помещения послышался звон — то ли стекла, то ли ещё чего. Я медленно прошёл внутрь, перед глазами появился стол, стул. Не раздумывая, сел. Напротив, будто сотканная самой темнотой, появилась фигура. Сначала она была едва различимой, но тут же обрела форму, как будто невидимый скульптор создавал произведение искусства.

И, надо сказать, девушка, появившаяся напротив, действительно была таковой. Тонкие руки, лебединая шея, полные, ярко-красные губы. Верхнюю половину лица скрывала вуаль, так что рассмотреть выражение чарующих глаз было невозможно. Она была одета в белоснежное платье, довольно странно выглядящее в этом грязном, пыльном помещении. Девушка медленно положила на стол три предмета: высушенный бутон розы; яйцо, самое обыкновенное, куриное; и маленькую церковь, явно склеенную из спичек.

Я недоумённо смотрел на них, пока девушка, наконец, не

произнесла дивным, высоким голосом:

— Это на три случая. Потратишь — дальше сам.

Я хотел было спросить, какие такие три случая, но не успел и рта раскрыть: девушка вдруг исчезла, как исчез и стол, и стул. Всё растворилось в темноте, а в следующую секунду я вновь стоял перед покосившейся, полуразваленной хибарой. В руках у меня были три хрупких предмета. Ни сумки, ни чего-то ещё, куда их можно было положить. И что теперь прикажете с ними делать?

Снова оказавшись в лесу, с тремя предметами, предназначение которых было мне не ясно, я понял, что не успел даже узнать, куда мне идти дальше. Деревья как будто стали плотнее — смыкались кольцом при каждом моём движении. Но под ногами всё ещё была тропинка, которая привела меня к этой хибаре. Лес следил за каждым моим шагом, и, каждый раз, когда я смотрел себе под ноги, менялся. Краем глаза я замечал едва уловимые движения, и сперва мне казалось, будто бы это просто ветки качаются на ветру, но нет — то ли деревья и правда двигались, то ли я сошёл с ума.

Тропинка вдруг запетляла — такого с ней раньше не было. Я ускорил шаг и тут же пожалел об этом. Из-под земли с глухим треском вдруг выскочил массивный корень, о который я споткнулся и рухнул вниз. Предметы, которые я всё это время бережно нёс в руках, разлетелись в разные стороны. Я ожидал, что корень продолжит двигаться, или с тро-

пинкой, а может, и с самим лесом произойдут ещё какие-нибудь метаморфозы, но ничего не дождался.

Потянулся за бутонем и случайно так сильно сдавил его пальцами, что листья осыпались. Скорее всего, я успел повредить его ещё в пути, постоянно держа в своих грубых и слегка потных ладонях, а падение на землю стало последней каплей. Не знаю почему, но меня вдруг охватила такая тоска: я попытался собрать иссохшие лепестки, но каждое моё прикосновение делало только хуже — вскоре ветер унёс последние их остатки. Сердце заныло.

Я поднял глаза: тропинка уходила дальше, но впереди вдруг замаячил свет. Кажется, она вывела меня обратно, к берегу. Подобрав яйцо и маленькую спичечную церквушку (они, кстати, были в полном порядке), я поспешил покинуть это угнетающее место. Лес, казалось, уже сделал всё, что хотел, так что не стал более задерживать меня.

Солнце, пробивающееся между деревьев, почти ослепляло. Я уже не видел, куда иду, но понял одно: я не возвращался на берег. Не было слышно шума прибоя, не гоготали чайки. Перед самым выходом пришлось зажмуриться — солнце, похоже, решило выжечь мои глаза. Я сделал ещё пару шагов и почувствовал, как по коже разливается тепло. Осторожно открыл глаза.

Передо мной простиралось огромное поле, полное пшеничных колосьев, растущих стройными рядами. Вокруг не было ни души, но это поле явно кто-то возделывал, а учиты-

вая его масштабы — этот кто-то был не один. Окончательно привыкнув к солнечному свету, я всмотрелся вдаль, и увидел тоненькую струйку дыма, поднимающуюся в небо.

Яйцо и церквушка в руках всё ещё мешали мне, так что я решил избавиться от самого хрупкого предмета. Аккуратно разбил яйцо и выпил. Я не был голоден, но почему то, абсолютно рефлекторно понимал, что для поддержания жизни телу необходимо питаться. Спичечная церковь всё ещё мешала, и я нарвал длинных пшеничных листочков, закрутил их кольцами, соединив друг с другом, и получил что-то вроде бус. Церквушка была маленькой и лёгкой, так что в итоге у меня получился медальон — она теперь лежала у меня на груди.

До источника дыма я добрался к закату — солнце уже склонилось к горизонту, окрашивая всё вокруг в огненные цвета. На небольшом возвышении, прямо среди поля, стояла маленькая домушка, а рядом — уличная печь. Вокруг печи были разбросаны ветки, а внутри их было ещё больше — кто-то постоянно подбрасывал топливо в огонь. Я огляделся, но сперва никого не заметил, пока передо мной не оказалась маленькая фигурка. Первое, что я увидел — спину мальчугана, одетого в какие-то обноски. Но, когда он повернулся, я вдруг скривился от отвращения: лицо у него было совершенно старческое, морщинистое. Бородавки, большие и жирные, торчали тут и там. Из носа выглядывали длинные, седые волосы. Но хуже всего были зубы: несколько огромных пеньков

торчали из-под нижней губы, из-за чего губа была сильно оттопырена. Зубы были абсолютно гнилыми, почерневшими.

Кем бы ни был этот... человек, он улыбнулся:

— А, дошёл наконец, — голос его был скрипучим, как у деревьев, что покачивались на ветру.

Скрипучим и шепелявым. Он осмотрел меня, увидел на шее церквушку, хмыкнул:

— Ну, дурак конечно, но всяко шансы есть.

— Я дико извиняюсь... Но кто вы? А лучше - где мы?

Страшила (так я прозвал его у себя в голове) закатил глаза и тяжело вздохнул. Он поднял несколько веточек с земли и подкинул их в огонь:

— Где-то в море-океяне, да на острове... — тут он хихикнул, как-то недобро посмотрел на меня. — Рано тебе пока. Будешь много знать... Ну, хотя ты вряд ли уже состаришься.

Страшила кривлялся, корчил страшные рожи, постоянно хихикал, подошёл поближе и ущипнул меня за ногу. Я попытался отмахнуться от него, как от назойливого комара, как вдруг он пропал. Через секунду — раз! И очутился возле печки. В зубах держал соломинку, медленно пожёвывал её и задумчиво смотрел на заходящее солнце.

— Ты, ежели будешь делать, что говорят — попадёшь, куда надо. А ежели не будешь — кукуй тут сколько пожелаешь.

— И что говорят? — перспектива куковать рядом с этим мерзким коротышкой меня не прельщала.

Я понятия не имел, куда мне идти, что делать. Раз нор-

мальных ответов на свои вопросы я не получу — пусть хоть скажет, чего хочет.

— Здесь, — он махнул рукой на печку, — очищение твоё. Дальше только разумом и душой чистых пустят. В твоём случае, правда, и тело очищать придётся.

— Это как? — я смутно представлял себе, что он хочет, но всё же решил уточнить. Перспектива оказаться в огне мало привлекала меня.

— А вот так!

Страшила сунул руку в огонь. Посмотрел на меня. Немного подержал, пока кожа не начала плавиться, источая мерзкий запах палёного мяса. Затем выдернул руку, и, увидев отвращение на моём лице, рассмеялся.

— Да ты не бойсь! Делов-то, раз! И чист, аки младенец.

Меня затрясло. Я буквально почувствовал, как будут плавиться мои пальцы, какую боль я почувствую, если засуну руку в это пламя.

— А по-другому никак? — голос почти сорвался в писк.

— А как? Ты, дурак, сердце своё по ветру пустил. Душу выпил. А вера твоя, — он тыкнул пальцем мне в грудь, где висела спичечная церквушка, — мне и даром не нужна.

В голове прозвучал голос девушки в белом: "Это на три случая. Потратишь — дальше сам". Кажется, уже потратил. Два из трёх... Страшила молчал, но с ухмылкой наблюдал за мной. Я было развернулся, собирался броситься прочь, но услышал, как он тихо напевает за спиной:

— Куево, Куево, Куево-Кукуево... Ты судьбинушку подкуй или вечно тут кукуй!

Я остановился. Зажмурился. Ещё раз взвесил все за и против. Против перевешивало, тянуло к земле, заставляло бежать без оглядки, но что я мог здесь делать? Куда я мог пойти? Вдох — выдох. Не знаю, что это за место и почему всё это происходит со мной, но придётся, видимо, идти до конца.

Я бегом пустился к печке, чтобы не было соблазна передумать, закатал рукав, и, заорав что есть мочи, сунул руку в огонь. Ждал чего угодно - боли, жжения, раздувающихся волдырей, тошнотворного запаха, но ничего из этого не последовало. Только странный зуд, который шёл от кончиков пальцев до локтя. Требовательный, настойчивый, но терпимый. Я ещё немного подержал руку в огне, пока Страшила не сказал:

— Ну всё, всё, хватит. Чистый уже, опрятный. Можно и дальше идти.

Я выдохнул. И всё? Об огне теперь напоминал только непрекращающийся зуд. Казалось, он распространился по всему телу, заставляя меня постоянно вздрагивать. Я начал было чесать запястье, которое зудело больше всего, но Страшила больно ударил меня по руке.

— Сюда слушай, башка дурная. Положено тебе три совета дать. И правило есть: два из них — чушь собачья, а третий — самый правильный. Не спрашивай, не я придумал. Следовать им или нет — твоё дело.

Я слушал его, но вполуха. Зуд то усиливался, то ослабевал, но постоянно напоминал о себе. И очень сильно раздражал, но я всё же сфокусировался на Страшиле, когда он начал советовать:

— Эту штуку, — он снова указал на церквушку, — выбрось. Нет тут дела никому до твоих верований. Как к следующему придёшь — не делай того, что скажут. А когда увидишь снова ту, кто тебе части тебя отдал — беги, не оглядываясь. Всё понял?

Я слабо кивнул. Церквушку выбросить, что скажут — не делать, от девушки в белом — бежать. И какой из них верный, а какие нет?

Церквушку решил оставить. Уж этот совет показался мне самым глупым из всех, так что расставаться с чем-то, что по мнению Страшилы ещё и олицетворяет мою веру, смысла было мало. А два других совета проверять пока было рано. Солнце уже зашло, так что мы стояли и смотрели на огонь, а вокруг сгушалась тьма. Поля уже практически не было видно, а лес на горизонте и вовсе исчез. Зуд поднялся к шее, перешёл на грудь, а затем сконцентрировался в области сердца. Теперь я чувствовал его с каждым стуком, но мог только терпеть. Страшила ушёл к себе в домушку, больше не обращая на меня никакого внимания. А я так и остался дожидаться рассвета, подкидывая ветки в печь, чтобы не остаться без света и тепла.

На рассвете, когда солнце вновь начало пробиваться сквозь веки, и мне пришлось нехотя разлепить их, я всё так же сидел у печи. Огонь давно потух: не знаю, как давно я уснул, благо ночь была тёплой и никакая живность не решила полакомиться мной. Только зуд постоянно напоминал о себе, но я старался не замечать его. Позади, кряхтя и ругаясь, из своего домика вылез Страшила. Его эти рассветы, похоже, тоже не слишком радовали. Он глянул на меня, недовольно пробурчал что-то под нос, а затем подошёл к печи и одним движением зажёг в ней огонь. Я даже не успел заметить, как он это сделал, учитывая, что внутри остался лишь пепел.

— Ты идти-то собираешься? — он бродил вокруг меня, будто примеряясь, куда лучше пнуть, чтобы я как можно быстрее покинул его жилище.

Оглянувшись, я понял, что не представляю, куда идти. На горизонте виднелся лес, из которого я пришёл раньше. Он уходил и влево, и вправо, образуя полукруг, ограничивающий буйные поля. А позади, примерно на таком же расстоянии, возвышались горные пики.

— А куда идти?

Страшила немного помолчал, задумчиво глядя на меня. По выражению лица не было понятно, действительно ли он обдумывает мой вопрос или просто делает вид.

— За лесами, за полями, да за горными хребтами... Через горы иди, — он махнул рукой в их сторону. — Что дальше — я не знаю. Не многие даже сюда доходят.

После этих слов он начал делать вид, что меня не существует, так что я понял, что, похоже, гостеприимству маленького странного человечка пришёл конец. Поправив церквушку, всё ещё болтающуюся на груди, я отправился прочь от печи и её хозяина.

— Эй, Страшила! — крикнул я напоследок. — Спасибо!

— Это не моё имя, — старичок с телом мальчишки скривился, злобно посмотрел на меня.

— А есть разница? Своего я вот, вообще не помню.

Он ухмыльнулся, но ничего не ответил, и я продолжил путь.

Добраться до подножия гор, надо сказать, было довольно сложно. Ухоженные поля с протоптанными дорожками в какой-то момент сменились буйной растительностью. Пришлось идти, не разбирая, что под ногами. Я постоянно слышал шипение змей, но не мог разглядеть ни одной в этой пышной траве, и, к счастью, ни на одну из них не наступил. Примерно в тысяче шагов от подножия гор, когда они возвышались надо мной, грозясь пробить острыми верхушками небо, поля закончились. Я выбрался на участок высохшей земли, рухнув на неё без сил.

Солнце, тем временем, уже пошло на боковую. Получается, путь до горных хребтов занял у меня почти целый день. Ещё немного отдышавшись, я поспешил оказаться как можно ближе к каменным великанам. Подгоняло не только вре-

мя - чем темнее становилось, тем отчётливее впереди, прямо посреди скалистой породы, виднелась маленькая точка света. Может быть, костёр, а может - ещё что-то. И действительно, когда я оказался совсем рядом, показался вход в пещеру, но источником света был не костёр и не факел. Светились огромные, выше меня ростом грибы. Снаружи, у самого входа в пещеру их было немного, а вот внутри - настоящий океан света.

Я углублялся в пещеру, не видя иного пути. На самом же деле, светящиеся грибы настолько заморозили меня, что я и не заметил, как вышел к открытому пространству. Впереди простиралось озеро, не очень большое, но дальнейший путь явно пролегал через него - на той стороне пещеры виднелся ещё один проход, в котором тоже росли грибы, уходя куда-то дальше. Осмотревшись, я понял, что достиг очередного испытания - предстояло пересечь озеро вплавь. И только начал сбрасывать с себя тяжёлую одежду, как сзади услышал голос:

— Ох, и кого же занесло в мою обитель?

Обернувшись, я увидел фигуру, завернутую в ткани. Их было так много, что едва можно было понять, кто под ними, если бы не голос. Тихий, спокойный, но мелодичный, явно женский. Рука, появившаяся из-под вороха тряпок, не оставила никаких сомнений: ухоженная, с аккуратными пластинками ногтей, с тонкими, длинными пальцами, украшенными золотыми кольцами. Смутившись от того, что оказался перед ней без рубахи, я принялся быстро натягивать её обратно.

— Не спеши, — в голос послышалась лёгкая усмешка,
— Дай погляжу.

Она медленно подошла, коснулась рукой моей груди. Рука её оказалась холодной, даже ледяной, и я тут же вздрогнул. Правда, через секунду мне стало гораздо лучше - нестерпимый зуд в сердце, который я испытывал всю ночь и весь день, вдруг исчез. Она отошла, и я заметил, что в открытой ладони она держит маленькую церквушку. Когда она успела её снять?

— Это моё, — нерешительно начал я. — Отдайте.

Она рассмеялась:

— А как же ты собрался дальше идти, без платы? Кроме веры твоей, ничего у тебя и не осталось. Отдавай её — и ступай себе.

«Как к следующему придёшь, не делай того, что скажут», — прозвучали в голове слова Страшилы. Имел ли он в виду эту женщину? Она ли следующая? Я вдруг понял, что она лукавит:

— Как же, без платы? Я ведь только что заплатил.

Она замолчала, явно ожидая пояснений.

— Что на сердце было, ты у меня только что забрала. Вот моя плата.

Она медленно приблизилась, оказавшись вплотную ко мне. Сквозь ткань я едва мог различить очертания её лица, тонкую полоску губ, широко раскрытые глаза. Снова коснулась моей груди.

— Уверен? Если выберешь этот путь, придётся тебе узнать, что отдаёшь.

Сделка, в любом случае, не казалась выгодной. Церквушка стала какой-то родной, но и о ней я ничего не знал. Однако она, хотя бы, была со мной немного дольше, чем этот отвратительный зуд.

— Уверен. Забирай и скажи, куда идти дальше.

Она медленно скинула с головы тряпки — молодое, довольно милостивое лицо с заострёнными чертами. Глаза, такие яркие, голубовато-зелёные, смотрели серьёзно, будто хотели проникнуть в душу. Кожа её была бледна, даже синевата, вызывая неприятные ассоциации с утопленницей. Она вернула талисман обратно на мою шею, и её губы оказались совсем рядом с моими. Она прошептала:

— Что жгло тебя при жизни — забираю. Но с чем расстался — покажу.

Ледяного поцелуя я уже не почувствовал.

Меня вдруг завертело, закрутило, словно я оказался в быстро вращающемся барабане. Все краски смешались, превратившись в какое-то месиво, я ощутил, что моё тело становится практически невесомым, потерял опору под ногами. Затем раз - и всё закончилось.

Я оказался в небольшой комнате, прямо в мягком, удобном кресле. Передо мной был массивный стол, на котором были разбросаны бумаги. В дверь напротив постучались.

— Да-да, входите! — голос был моим, хотя я ничего не

говорил.

В комнату вошла дама среднего возраста, в довольно странной одежде: на ней было длинное платье чёрного цвета, а на плечах лежала шкура неизвестного мне животного с огромными зубами. Эти зубы доставали чуть ли не до её бёдер и вполне могли сойти за холодное оружие.

— Прошу, помогите! Мой сын... одна я не справлюсь! Почему вы игнорируете мои сообщения!?

— Успокойтесь, дорогая... — имени я не расслышал, — всё с вашим сыном будет хорошо. Вы ведь знаете этих подростков. Решил сбежать вам назло, наверняка сейчас у кого-нибудь из друзей.

Она ещё что-то сказала, начала плакать. Но комната, как и всё остальное, начала таять. Затем я оказался в другом месте. Какая-то тёмная подворотня, в которой сложно было ориентироваться. Передо мной возникла фигура. Я не волновался, да вообще, честно говоря, ничего не испытывал. Фигура протянула что-то, завёрнутое в бумагу.

— Очень рад, что мы друг друга поняли. Это ваш гонорар. Я взял свёрток, открыл его. Внутри находились пачки более мелких бумаг, перевязанные ленточками. Пожал протянутую мне руку, и всё снова начало таять.

Вновь появилась пещера. Я стоял у кромки озера, всё ещё держа в руках рубаху. По щеке стекала слеза, хотя я и не понимал, что увидел. Какое-то смутное чувство, что всё это было когда-то, в какой-то другой жизни. Но я не мог вспом-

нить, откуда. Холодные губы коснулись моего уха — я уже и забыл, что таинственная незнакомка здесь.

— Ты не помнишь, что сделал. Но жгло оно тебя, потому как ты предал самого себя. А мальчик, между прочим, умер. Из-за тебя.

Я оттолкнул её. Вдруг почувствовал гнев: что эта женщина сделала со мной!? Но в следующую секунду накатила боль. В голове что-то треснуло, сердце сжалось. Сквозь боль я ощущал какие-то обрывки воспоминаний, но не мог собрать их в единую картину, однако знал одно — я действительно предатель. Я поступился своими принципами, сделал что-то плохое, превратился лишь в свою собственную, жалкую тень. Мне стало так невыносимо грустно, что я упал на колени и заплакал. Женщина тут же подошла ко мне, положила свои холодные руки мне на плечи.

— Твой грех теперь мой. В уплату. Смой его.

И она толкнула меня в озеро. Я не мог сопротивляться, не мог двигаться. Не мог даже понять, что падал на дно, и свет от грибов становился всё тусклее и тусклее, а вода такой холодной, что конечности тут же сводило. Ощущал только, как из меня вымывалось чувство вины, как становилось легче. Закрыв глаза и погрузился во тьму.

Очнулся я на берегу маленькой речушки, прямо у ворот чьего-то жилища. Длинный деревянный забор не позволял пойти в обход: либо стучись в ворота, либо плыви себе об-

ратно по течению. Я огляделся. Горы, через которые лежал мой путь, едва виднелись на горизонте. Каким образом меня сюда занесло? В голове стоял туман. Хотя я и не был в сознании последние часы, а может и дни, но чувствовал ужасную усталость. Веки были тяжёлыми, я буквально клевал носом и боялся вновь отключиться. А ещё было холодно. На мне остались только штаны да ботинки. На груди болталась уцелевшая церквушка.

На душе было паршиво. Хотя я и помнил, как озёрная вода действительно смывает с меня тяжкий грех, освобождает от ответственности, да только вот память она не смыла. То, что показала озёрная дева, навсегда отпечаталось где-то на подкорке и отзывалось болью, стоило начать думать об этом. Сделав пару шагов к воротам, я чуть было не упал на мокрую глину, так что пришлось взять себя в руки и постараться проникнуть внутрь, прежде чем я окончательно потерял бы сознание.

Подобравшись к воротам, я увидел большое железное кольцо, предназначенное для оповещения хозяев о моём присутствии. Кольцо было тяжёлым, массивным, так что ударить им о железную пластину получилось с трудом. Но и этого хватило. Ворота медленно разъехались в стороны, приглашая меня войти.

Я охнул: глазам открылся дивный ухоженный сад. Аккуратные ряды грядок проходили вдоль всего участка, выстраивая перед глазами всю палитру цветов. Сперва мне пока-

залось, что сад, хоть и невероятно красив, всё же довольно обычен. Но, зайдя чуть глубже, я заметил, что здесь повсюду были разные странные предметы: на некоторых грядках лежали разнообразные шляпы, сапоги, варежки. Где-то цветы покрывала кастрюля, а где-то дуршлаг. Всё это было необычно, но усталость настолько одолевала, что я не решился разглядывать грядки дальше.

Ещё только войдя внутрь, я заприметил маленькую коморку в конце участка, дверь в которую была открыта. Добравшись до неё и с трудом протиснувшись внутрь, будто коморка была построена для кого-то очень маленького, я нашёл там то, что искал: брошенный в углу матрац. Уж не знаю, почему я был так уверен, что сразу же увижу его, но идея буквально пронзила уставший мозг и оказалась верной. Интуиция, не иначе. Однако думать уже было невозможно. Я упал на мягкую ткань, закрыл глаза и сразу же уснул.

Разбудил меня чей-то хохот. Я вскочил, пытаюсь найти источник шума, и сразу же почувствовал, как ступни замерзают. Опустил голову вниз - ботинки исчезли. Вновь раздался хохот, только уже дальше, со стороны сада. Выскочив из коморки, первым делом я принялся разыскивать пропажу. Вот они! Сапоги были воткнуты в грядку подошвой вверх. Кому пришло в голову так глупо шутить? Я подошёл поближе и хотел было выдернуть свою одежду из земли, когда чей-то голос остановил меня:

— Я бы не стал. Ой не стал бы! — хозяин голоса снова

захохотал.

Замерев с протянутой рукой, я огляделся. Шутник оказался практически сразу, не выдержал, по всей видимости, моего угрюмого выражения лица. Из-за кадушки, держась за живот и похрюкивая от смеха, вывалился маленький мужичок. Именно что мужичок: одет был прилично, гладко выбрит, причёсан, но ростом едва доставал до моего колена. Может быть, его совета и стоило бы послушаться, да только вот замёрзшие ступни требовали вернуть их в тёплые кожаные сапоги, так что я схватил их и потянул на себя. В следующую секунду так и застыл с сапогами в руках. Меня замутило. Мужичок продолжал хохотать, только усиливая мой испуг.

С грядки на меня смотрели лица. Обувь закрывала их, но теперь ничто не мешало разглядеть закопанные в землю физиономии. Они застыли в жутких гримасах: рот широко открыт в безмолвном крике, глаза распахнуты. Из них, не прекращаясь, текли слёзы. Я выронил ботинки, огляделся во круг — на грядках было множество разнообразных предметов.

— Во даёт! — мужичок продолжал веселиться.

Я подошёл к ближайшей грядке и поднял кастрюлю, которая лежала на ней. Ещё лицо. Начал сбрасывать все предметы, которые казались лишними и попадались мне на пути. Лицо, лицо, лицо. Волосы на затылке поползли вверх. Сердце забилось чаще. Холод теперь проникал в самое нутро.

— Что это?! — голос дрожал.

Коротышка вдруг оказался рядом, посмотрел на одно из лиц, утёр слезу, скатывающуюся из уголка его глаза, и накрыл шляпой, которую я сорвал.

— Это те, кто дальше не смог пройти, — он снова хихикнул. — Грезят о том, что могли бы, да не смогут уже никогда.

Я в ужасе отшатнулся. Подумал было, что он сейчас нападёт, но вместо этого он просто щёлкнул пальцами. Оказался вдруг на одной из грядок, подальше от меня. В руках вертел маленькую церквушку. Я машинально коснулся груди. Пропала.

— Эй! Это моё!

— А зачем оно тебе? Верю верую, да веры не ведаю?

Он вдруг стиснул церквушку в руках. Хрупкая поделка затрещала и осыпалась кучкой спичек. Сердце кольнуло, будто от меня оторвали последнюю часть.

— Да ты чего побледнел весь? — мужичок оказался рядом. — Отсюда другой дороги нет. Только по-настоящему поверить. А это всё пустое.

Он принялся расхаживать вокруг меня, будто примеряясь. Бубнил что-то себе под нос о глубине ямы, да о том, что слишком полноват я, и что придётся кого-нибудь подвинуть.

— Отпусти, я обратной дорогой пойду.

Мужичок остановился, пробуравил меня взглядом:

— Э, нет. Обрато некуда. Из моих садов одна дорога, да и та от тебя зависит.

— Ты ведь забрал уже мою веру, разве это не плата? — отчаянно крикнул я.

— Да разве ж это вера? Так, одно слово. Только напоминание о ней. Да и ничего мне от тебя не надо вовсе. Если поверишь по-настоящему, ступай себе дальше. А не поверишь...

Он деловито присмотрелся к ближайшей грядке, где ещё было свободное место.

— Да во что я должен поверить?!

Коротышка вздохнул, закатил глаза. Видно, не первый раз ему задавали этот вопрос.

— В себя, дурак ты эдакий! В себя!

Он снова щёлкнул пальцами. Меня вдруг подняло в воздух, чему я совершенно не мог сопротивляться. Барахтался, пытался ухватиться за что-нибудь, но всё равно остался без опоры под ногами. Подлетел к грядке. Земля вдруг разверзлась, создавая для меня подходящего размера яму. Мужичок хохотал, а я в ужасе опускался вниз. Когда я коснулся дна ямы, земля начала двигаться, уплотняться вокруг меня. Я был полностью обездвижен. Через минуту на поверхности осталась одна лишь голова.

В панике я не знал, что делать. Сердце грохотало, слёзы брызнули из глаз. Я пытался двигать руками и ногами, но земля настолько плотно сковала их, что все мои попытки казались безнадежными. Тогда я зажмурился. Поверить в себя. Что бы это значило? Я был совершенно пуст: ни памяти, ни убеждений, ни веры. Он был прав. Разве я верил во что-

то? Нет. До сих пор предмет, оставленный мне загадочной девушкой в белом, был лишь символом. Если бы Страшила не сказал мне о вере - я бы никогда о ней и не подумал.

Я понял, что всё это время неправильно воспринимал саму суть. Может, поэтому Страшила хотел, чтобы я избавился от церквушки? Чтобы поверить в себя. Потому что в этом месте всё было иначе. И я поверил. Поверил, что могу очутиться где угодно, подальше отсюда, от сырой и холодной земли. И почувствовал тепло.

Медленно открыв глаза, я увидел, что стою на песчаном берегу. Солнце уже нагрело песок так, что мои ступни сразу же очутились в горячем песчаном коконе. Сразу стало так легко, так свободно. Теперь я знал, что могу буквально всё. Что могу верить. Я сел, и из кармана штанов вдруг выпал маленький медный ключик. К нему была привязана записка: "Тому, кто верит, откроет любую дверь. Садовник". Я улыбнулся.

Пока я лежал на горячем песке и отогревал свои замёрзшие конечности, я и не заметил, что в животе вдруг появился настоящий лягушачий хор. Стоило обратить на это внимание, и я вдруг понял, что уже очень давно ничего не ел. Это было странно, ведь всё время, пока я шатался по этим землям, то совершенно не чувствовал голода. Однако теперь он обрушился на меня, вытесняя любые другие мысли.

Я встал, натянул на ноги сапоги, в которые вцепился в са-

ду, и так и не отпустил, несмотря на пережитый ужас. Теперь только оголённый торс чувствовал прохладный ветерок. Пока что это было терпимо, но я понимал, что как только солнце начнёт садиться, то околею.

Озерцо, на берегу которого я оказался, продолжалось речушкою, уходящей куда-то вдаль меж деревьев. Я решил двигаться вдоль неё в надежде, что найду хоть что-нибудь съестное или хотя бы место, в котором можно будет переждать ночь. Не знаю, сколько прошло времени, ведь солнце вроде бы не садилось, но я почувствовал, что температура начала падать. И действительно, моим ощущениям было подтверждение: листья на деревьях сперва становились всё желтее, а чем дальше я шёл, тем больше мне попадалось вовсе голых, осыпавшихся древесных исполинов. Как будто вместе с пройденными шагами прошла и тёплая пора.

Я хотел было развернуться да отправиться обратно, когда заметил далеко впереди движение. Выглядело так, будто это какой-то морок или игра света. Сложно сказать. Но одно я знал наверняка: впереди едва различимо передвигалась серая масса чего-то, что на таком расстоянии невозможно было разобрать. Взвесив все за и против, я пошёл напрямик туда. На самом деле просто голод в виде огромного "за" полностью завладел моим разумом, оставив даже холод где-то в глубине.

Чем ближе я подходил, тем очевиднее становилось, что это никакая не масса. Издалека я видел спины. Спины со-

тен, нет, тысяч людей, которые двигались в одном направлении вдоль реки. Когда я нагнал их, на горизонте замаячила какая-то огромная конструкция и можно было увидеть, что поток людей стекается именно к ней. Абсолютно разномастных, совершенно разных возрастов, рас и как будто бы даже разных времён. Так сильно разнился их внешний вид. Речушка тоже шла туда, но проходила мимо конструкции и впадала в ещё более огромную реку, масштабы которой даже так, издалека, потрясали воображение.

— Эй! Здравствуйте! Эй! — я принялся тормозить тех, кого успел нагнать.

Но никто, абсолютно никто не реагировал. На лицах застыло какое-то безмятежное, слегка придурковатое выражение. Все эти люди были одеты, и в какой-то момент я даже подумал о том, чтобы сорвать с кого-нибудь куртку, раз уж они ни на что не обращают внимания. Но всё же взял себя в руки. Сейчас украду, а потом что, кого-то из них съем? Нет, так не пойдёт.

Через какое-то время мы подобрались к большой реке и конструкции, что стояла у неё на берегу. Это было огромное здание, предназначение которого не было ясно с первого взгляда. Все люди стекались к зданию, проходили внутрь через огромные ворота и скрывались в его недрах. Народу было так много, что они выстраивались в длинные шеренги, но не толпились, не мешали друг другу, а действовали как единое целое.

Даже немного согревшись в этой толпе, я, наконец, попал внутрь. Это был величественный зал, полностью заставленный длинными широкими скамьями. Люди заходили, искали свободное место и занимали его. В это же время другие, те, кто уже сидел здесь, вставали и отправлялись в соседний зал, над входом в который висела табличка: "Зал Страданий". С другой стороны тоже находилось просторное помещение, куда шли люди, выходящие из зала страданий. Оно называлось: "Зал Отпущений".

У всего здесь была какая-то система, но я не мог понять, что должен делать. Сесть на скамейку и ждать своей очереди? А наступит ли она? Я нерешительно застыл на входе, и поток людей начал обходить меня с двух сторон. Желудок гневно заурчал, как будто говорил: "Здесь мы явно пожрать не найдём. Куда ты нас привёл?".

В этот момент сзади кто-то хохотнул, и я почувствовал, как на моё плечо легла тяжёлая рука.

— Ха! Да твой желудок громче грома!

Я обернулся. Передо мной стоял здоровяк на две головы выше, да на четыре шире. Он был в довольно странном облачении: тело покрывали железные пластины, на голове находился рогатый шлем, а на поясе висела железная палка. Лицо практически полностью было покрыто густой растительностью, так что различить черты лица было довольно трудно. Только глаза, которые довольно добродушно разглядывали меня, внушали доверие.

— Ты извиняй, добрый молодец, еды у нас тут нема! Однако, если до следующей переправы успеешь, там тебя ждёт... — не договорив, он смутился и опустил голову.

— Что ждёт?

— Пустое это! Сам увидишь. Некуда торопиться! — он хлопнул меня по плечу, от чего рука сразу же онемела.

Здоровяк явно не рассчитывал свою силу.

— А вы? Вы кто?

— Да разве ж это важно? Забудь. Тут имён нет ни у кого, до тех пор, пока не вспомнишь, — он кивнул в сторону зала страданий. — Давай покажу тебе, что к чему!

Он подтолкнул меня вперед, подвёл к первому залу, куда по одному входили сидящие в очереди люди.

— Вот тут, смотри, глоточек сделаешь, сразу всё плохое вспомнишь. Всё, что было у тебя там, в прошлой жизни.

Внутри стоял огромный чан с бурлящей водой. Люди подходили к нему, а стоящая рядом женщина в жёлтой накидке опускала в чан кружку, наполняла её и передавала подошедшему. После чего человек выпивал и сразу же присаживался на одну из скамей, которые тоже были расставлены по всему залу. На скамейках царило уныние: кто-то рыдал, кто-то раскачивался из стороны в сторону, кто-то просто опустил голову на колени и беззвучно трясся.

— Но какой смысл? Для чего всё это?

— Пойдём, покажу, — он подвёл меня ко входу в зал отпущений.

Там на пьедестале сидел грузный человек в чёрном балахоне. Рядом с ним находился ещё один чан с тёмной густой жидкостью. Он черпал её и передавал тем, кто подходил. Люди выпивали, и лица их сразу же озарялись улыбками. Здесь уже никто не задерживался, шли сразу к выходу.

— Вот тут, значит, отпущение получаешь, — великан, довольный собой, снова похлопал меня по плечу, а потом указал на выход, — и вон туда, на паром. А там уж, на той стороне, не скажу что. Сам не знаю.

Я всё ещё не мог понять предназначения данного здания, по этому спросил:

— И всё же, в чём смысл?

— Ох, ну любите вы, умники, вопросы задавать. Нет бы просто, как все остальные, смириться да плыть по течению, — он явно был недоволен, но в глазах читалась только лёгкая усмешка. — Просто прими как данное: чтобы дальше пройти, надо вспомнить всё самое плохое. Затем забыть, получить отпущение, так сказать. И всё. Потом туда, на покой.

Услышанное всё никак не укладывалось в голове.

— Я всё равно не понимаю, в чём здесь смысл. Сперва я всё забыл. Страшила сказал, что только чистые душой да разумом пройдут дальше. Теперь меня заставляют вспомнить. Чтобы потом снова забыть. Это что за развлечение такое?

— Страшила?

— Не важно, мужичок такой, на полях возле печки живёт. Лицо великана озарилось улыбкой.

— Знаю такого, знаю! — тут он присел на лавочку и похлопал по ней рядом, приглашая сесть и меня. — Так если ты с ним встречался, должен понимать. Такие правила. Просто так устроено, и деваться некуда. А это, — он указал на мой урчащий живот, — будет только хуже, пока не закончишь свой путь.

Хоть я и не получил ответов на свои вопросы, этого объяснения было вполне достаточно. Последнее время я только и делал, что выполнял какие-то непонятные просьбы, шёл неизвестно куда, просто потому, что так устроено. Почему бы и в этот раз не послушать совета? Поблагодарив своего экскурсовода, я поднялся и отправился в зал страданий. Очередь как-то сразу рассосалась, пропуская меня внутрь. И стоило мне подойти поближе к чану, как женщина тут же молча набрала в чашку напиток и протянула его мне. Выдохнув, я сделал большой глоток. Ничего не происходило. Тогда я просто последовал примеру других и сел на свободную лавку. А затем закрыл глаза.

Меня звали Костей, но почти для всех я был Константином Игнатьевичем. Чиновником. Подписывал бумажки, выдавал разрешения, распределял бюджет на нужды города. Связался с местной преступной группировкой, получал взятки, отмывал деньги, помогал их бизнесу, молчал о преступлениях, покрывал их.

А они покрывали меня, имели связи в полиции. Тот пропавший мальчик, с матерью которого я был в хороших отно-

шениях, лишь верхушка айсберга. Я имел неосторожность попасться ему на глаза, когда проворачивал одно пренеприятнейшее дельце. В итоге, несмотря на близкое знакомство с его матерью, от мальчика пришлось избавиться. Я получил деньги за строительство опасного объекта, а мальчишку закатали в бетон.

Но не это было самым страшным. Как-то раз я напился и мчался по дороге к себе домой. Отмечали крупную сделку. После таких можно всю жизнь не работать, а только собирать сливки. Выехал на просёлочную дорогу, на которой не было никакого света, включил дальние огни и ослепил встречного водителя. Затем и сам закрутился, испугавшись. Вышло так, что встречная машина вылетела с дороги и с размаху влетела в дерево. Едва держась на ногах, я подбежал и увидел внутри девушку. Красивую, молодую. В белом платье. Её голова была разбита, лицо заливало кровью. Она, наверное, услышала меня, начала тянуть руки в мою сторону. Едва слышно просила о помощи. Я, конечно же, трусливо бросил её. Позвонил своим друзьям, попросил от неё избавиться. И с тех пор она каждую ночь приходила ко мне во снах. Терзала меня, мучила. А перед тем, как я открыл глаза на том берегу, я помнил только петлю, затягивающуюся на моей шее.

Не знаю, сколько времени я провёл среди тех, кто, как и я, страдали в этом зале. Мы лили слёзы, рвали на себе волосы, кусали ногти, кричали. Ползали по полу в надежде, что ужасающие поступки, которые мы когда-то совершили,

вдруг перестанут разрывать душу на части. Иногда, когда волна боли отступала, я видел в дверях великана, задумчиво разглядывающего меня. А затем вновь погружался в свою память, раз за разом переживая прошлое.

Часы, дни, а может, годы спустя, я всё-таки пришёл в себя. Память уже не давила так сильно, но я был полностью разбит. Абсолютно повержен, размазан. Примирён с фактом, что я настоящее чудовище. И в этот момент, наконец, вспомнил, что следующим этапом моего пути является зал отпущения. Мысль о том, что я снова могу всё забыть, слегка воодушевила, но тут же вернула к реальности. А есть ли смысл? Не должен ли я хоть чему-то научиться?

Вернувшись, я зашёл в зал отпущений. Подошёл поближе к пьедесталу. Человек в балахоне тут же набрал в чашку жижи из чана и протянул мне. Я колебался:

— Разве для этого я вспоминал? Чтобы снова предаться забвению?

Мужчина ничего не отвечал, только продолжал протягивать мне чашку. Я взял её, но не спешил подносить ко рту. Мы встретились взглядом: его чёрные глаза буквально видели меня насквозь. Когда он понял, что я буду делать, просто кивнул. На лице растянулась ухмылка.

Кем бы я ни был: Константином Игнатьевичем или просто неизвестным, более пытаться спрятаться от прошлого не имело ни малейшего смысла. Зал Отпущения я покинул на

едва сгибающихся ногах, всё же ощущая некую целостность, завершённость. Уже не смотрел на окружающих: те медленно плыли в своём ритме, перетекая из зала в залу, снова и снова вспоминая и забывая свои грехи. А затем отправлялись на паром.

Я присоединился к группе, которая вышла через проход, ведущий к реке. Раньше этого не замечал, но теперь почувствовал ужасный смрад, поднимающийся от спокойных вод. Река была огромной: противоположного берега не видно. Иногда то тут, то там над поверхностью воды вдруг вспыхивали яркие огни. Будто вода источала газ, к которому кто-то по неосторожности подносил зажжённую спичку.

Люди спокойно шли в сторону внушительных размеров парома: сейчас там уже толпились сотни фигур, и он всё ещё не казался забитым полностью. Пройдя по трапу, я занял место у самого края, чтобы наблюдать за движением через реку, но тут же пожалел. Вонь, которую источала река, была невыносимой. К сожалению, когда я развернулся и хотел было найти другое место, меня уже зажали десятки вновь прибывших. Оставалось только терпеть. Но, надо признать, запах хотя бы отвлекал от воспоминаний.

Прозвучал гудок. Идущие от здания остановились на причале. Трап медленно поднялся. Прозвучал ещё один: паром завибрировал, задышал. Как только я услышал третий, мы двинулись на противоположную сторону. Безмятежные лица вокруг просто смотрели перед собой, не обращая внимания

ни на что. Я так и не смог найти никого, кто, как и я, отка- зался бы от напитка забвения. Все они выглядели счастли- выми, наконец успокоившимися.

В какой-то момент, когда мы уже подплывали к другой стороне, паром накрыла огромная тень. Я посмотрел наверх, но не увидел ни намёка на существо, которому она могла бы принадлежать. Хотя тень явно имела огромные крылья и как минимум три головы, и её хозяина должно было быть видно издалека. Зато явно получил от него подарок: на голову упа- ла чешуйка, вроде змеиной, только каких размеров должна быть змея с такими чешуйками, я представлял себе плохо. Я вертел её в руках, но вскоре она скукожилась и осыпалась прахом. Просто ещё одно напоминание о том, что рано или поздно всё закончится.

Остановка. Едва паром коснулся причала, как тут же опу- стился трап, и человеческая масса хлынула на берег. На этой стороне не было никаких зданий, не было вообще ничего. Впереди, насколько глаза позволяли видеть, простиралось одно огромное ничто. Просто поле. Без буйной растительно- сти, лесов, рек, гор. Только изредка попадались скопления кустарников. Издалека это выглядело как вылизанная тарел- ка, на которой остались пропущенные языком полоски соуса.

Люди разбрелись кто куда. Кажется, никого уже не вол- новало, куда они попали. Их безмятежные лица говорили об одном: вот он, покой. Мне же это место казалось свал- кой, куда свезли никому уже не нужные души. Свалка проиг-

равших. Сдавшихся, пожелавших забыть, вместо того, чтобы попытаться что-то изменить.

Сперва я присоединился к толпе, которая отправилось прямо, но вскоре мы повстречали ещё людей, видимо, приплывших на предыдущих паромах, и те, с кем я двигался, остались с ними. Они разлеглись на травке и мечтательно смотрели в серое небо. Если таков конец пути, я не согласен. Должен же быть хоть какой-то смысл? Словно в ответ на мои мысли, впереди замаячило что-то странное. Жёлтое пятнышко посреди открытого поля.

Я подошёл ближе. Трудно поверить, но прямо в земле, ничем не поддерживаемая, стояла жёлтая дверь. А рядом... Я невольно сглотнул. "Когда увидишь снова ту, кто тебе части тебя отдал, беги, не оглядываясь", — всплыли в голове слова Страшилы. Да, рядом с дверью, всё за тем же столом сидела она. Девушка в белом. Девушка, которую я оставил умирать. Девушка, которая стала моим кошмаром. Она улыбалась. Бежать не было никакого смысла. Да и куда? Разве не для этого я прошёл весь этот путь? Не для того, чтобы вновь встретиться со своим самым главным прегрешением, ставшим фатальным?

— Вижу, ты добрался. И теперь помнишь меня, — её голос дёргал за струны души, каждым своим звуком напоминая мне о той ночи.

Она улыбнулась ещё шире, но улыбка была доброй. Я не чувствовал ни угрозы, ни какой-то ненависти к себе, ни

упрёка. Скорее только грусть, может быть, жалость.

— Прости, — только и смог выговорить я.

— Забудь. Мой путь уже закончен, но у тебя ещё есть шанс, — она указала на дверь. — Искупить вину. Стать лучше.

Меня затрясло. Я понимал, к чему она ведёт, но всё равно боялся. А вдруг не получится? Вдруг я только сделаю хуже, окончательно потеряю себя? Это место... Оно давало второй шанс, но сперва выжимало все соки, низвергало на дно собственной выгребной ямы.

— Смогу ли я? — вопрос я задал скорее себе, чем ей.

— Ты уже поверил в себя. Вернул память, но не стал с ней расставаться. Ты уже стал лучше. Лучше, чем они, — она обвела рукой людей, которые бессмысленно бродили вокруг. — Тебе остался лишь шаг.

Тут она встала, подошла ко мне вплотную. Потянула за руку вниз, чтобы я слегка согнулся в коленях. И поцеловала в лоб.

— Я прощаю тебя.

И я снова заплакал. Принялся рыдать у неё на плече, как младенец. Да, время, проведённое в Зале Страданий, немного примирило меня с действительностью, но получить настоящее отпущение, не то, которое предлагалось в Зале Отпущений — вот настоящее счастье. Я рыдал не от горя, а потому, что получил то, что мне было нужно.

Девушка лишь улыбалась, но вскоре оставила меня одно-

го. Я не хотел, чтобы она уходила, но знал, что ей пора. Что же, вот я, вот дверь. Сунул руку в карман, нащупал медный ключик. «Тому, кто верит, откроет любую дверь». Щёлкнул замок. Я повернул ручку. Передо мной разлился яркий свет. И я шагнул в него, оставив это место позади.

Вспышка. Ещё одна. Я чувствую это движение: моя нога, делая шаг, движется вперёд. Толкает моё тело сквозь этот вязкий проход, оставляет позади проклятый остров, предназначенный для того, чтобы подвергать несчастные души настоящим мучениям. И учить. Научился ли я? Несомненно. Оставалось только вновь стать прежним. Вернуть своё тело в настоящем мире, а затем начать исправлять ошибки.

Вижу! Свет рассеивается, на смену ему приходят очертания комнаты. Да, да! Знакомые стены, знакомый книжный шкаф. Слегка обшарпанные обои: давно надо было заняться ремонтом, да руки не доходили. Даже немного стыдно. А вот и желтая дверь моего кабинета. Закрыта. Как тогда, когда я собирался уйти. Но... Что это? Почему я так высоко над полом? Стоп!

Нога, уже занесённая для того, чтобы сделать шаг, замерла. Меня затрясло от натуги: я вдруг понял, что нахожусь в весьма шатком положении. Одной ногой я стоял на спинке стула, вторая была готова шагнуть в пропасть. Шея тёрлась о жёсткую шершавую верёвку. Стул опасно наклонился, готовый выскользнуть из-под затекающей конечности. Я ста-

рался балансировать, пытался опереться обеими ногами, но стоило пошевелиться или даже поднять руки, чтобы снять с себя петлю, как чёртов стул начинал угрожающе трещать, готовый развалиться под моим весом.

Почему? Почему я вернулся именно в этот момент? Верёвка натянулась сильнее. В панике я всё же схватился за неё руками, и это движение оказалось ошибочным: стул подо мной развалился, а я рухнул на пол. Точнее, не доставал до пола добрых сантиметров двадцать. Собственный вес не позволял ослабить верёвку, руки ничем не могли помочь, а болтающиеся ноги, выплясывающие танец смерти, едва ли доставали до какой-либо опоры.

Не знаю, сколько времени прошло. По-моему вечность. Но когда комната начала затухать, а перед глазами осталась лишь тьма, вновь явился бескрайний всепоглощающий свет. Я почувствовал, что твёрдо стою на земле. В голове звучал шум прибоя. Закрыв глаза — пусто. Открыл — снова пусто. Где я? Кто я? Над головой кричали чайки, будто смеялись надо мной. Я посмотрел на свои руки, опустил голову, осмотрел тело. Почему-то было неприятное чувство в горле, будто бы его сдавило, но длилось оно недолго.

Немного осмотрев бушующие предо мной воды, я развернулся и увидел бескрайний лес. Ветер качал деревья и те издавали настолько ужасные звуки, что я невольно представил себе место, полное несчастных душ, томящихся на адском огне. Странное видение для того, у кого в голове абсолютно

чистый лист. Под ногами проглядывалась тропка, ведущая к деревьям, а у самой кромки леса стоял старик, собирающий снасти.

— Мил человек, — старик не реагировал. Тогда я встал рядом, прокашлялся, обращая на себя внимание. — Старче! Доброго дня!

Он, наконец, поднял голову и устало посмотрел на меня. Во взгляде читалось что-то вроде: «Ну сколько можно». Старик молча повернулся к лесу, вытянул руку и указал мне на тропинку, уходящую куда-то вглубь. Я только пожал плечами и не спеша пошёл вперёд.

В лесу было темно, но тропинка проглядывалась довольно хорошо. Деревья стонали, создавая кошмарную, угнетающую атмосферу. В какой-то момент мне даже начало казаться, что кора деревьев сформирована таким образом, что создаёт иллюзию маски. Как будто в них были заточены души. Я с трудом боролся с желанием просто бросить всё и бежать обратно, но дорога вдруг упёрлась в старую полуразвалившуюся хибару. Чёрный дверной проём выглядел как спасение, так что я, не раздумывая, нырнул в него.

Внутри вдруг стало светлее. Это свет от свечей, расставленных здесь по всем углам, заплясал на стенах. Странно, что снаружи его не было видно. Я обернулся. Упёрся взглядом в глухую стену. На всякий случай даже похлопал по ней: а вдруг у меня с головой беда? Но ладонь и правда встретила холодную твёрдую поверхность. Меня вдруг пронзило

странное чувство, будто я всё это уже видел, но умудрился забыть.

Из глубины помещения послышался звонкий смех. Я медленно прошёл внутрь и увидел стол, за которым сидела девушка, облачённая в белое платье. Тонкие руки, лебединая шея, полные ярко-красные губы. Верхнюю половину лица скрывала вуаль, так что рассмотреть выражение чарующих глаз было невозможно. Девушка медленно положила на стол три предмета: кусок верёвки, маленький пластмассовый руль и стеклянную колбу, полную алой жидкости.

Я недоумённо осматривал их, а девушка улыбалась. Улыбалась, пока не начала тихо хихикать. Вскоре это хихиканье переросло в смех. Звонкий, громкий. Он сбивал с толку, а я только и мог, что смотреть на неё и ждать, когда это закончится. Перед тем, как она исчезла, а я вновь оказался среди леса с этими странными предметами, я увидел выражение её глаз. Так лиса смотри на зайца, когда готовится к прыжку. По спине пробежал холодок. Вдруг налетевший ветер заставил меня засунуть полученные вещички в карманы и поплотнее закутаться в плащ. Я не знал, куда мне идти, но чувствовал, что дорога будет долгой.

Дождь обещали только внутри

Степан Петрович, старый лысеющий радиотехник из Питера, ранним утром субботы спешил на Уделку, потому как его друг и товарищ Антон Сергеевич, лауреат премии имени А. С. Попова, рассказал вчерашним вечером за бутылочкой беленькой о некоем Дмитрие Григорьевиче, старьёвщике, что по субботам до десяти утра бывал на блошином рынке. Примечателен Дмитрий Григорьевич для них был тем, что обладал множеством разнообразной технической литературы, а также исключительно раритетными образцами радиотехники советского времени.

Если конкретнее: Антон Сергеевич обмолвился, будто бы заметил у Дмитрия Григорьевича модель приёмника «Фестиваль» 1957 года выпуска. Модель эта была довольно редкой, стоила немалых, по мнению друзей, денежных средств и являлась желанным объектом их врага и недоброжелателя Юрия Павловича. Так вот, Степан Петрович вдруг узнал, якобы Юрий Павлович собирался этим субботним утром на Уделку, чтобы забрать у Дмитрия Григорьевича вожделенный аппарат.

Нет необходимости объяснять, по какой причине Степан Петрович захотел получить приёмник раньше Юрия Павловича. Так что ранним утром субботы он спешил на блошиный рынок, желая поскорее встретить Дмитрия Григорьевича.

ча и оставить Юрия Павловича с носом. Народу в этот день было достаточно много, Уделка буквально кишела как торговцами различного толку, так и желающими прикупить винтажных вещей для своих коллекций.

Получив размытые пояснения по поводу местонахождения на рынке Дмитрия Григорьевича, Степан Петрович нервно лавировал между шумными стайками потенциальных клиентов. Лавочки нужного человека всё не было видно, и радиотехник начинал испытывать вполне реальный физический дискомфорт. У него, что называется, свербело в одном месте. Особенно сильно засвербело тогда, когда среди толпы он увидел блестящую лысину Юрия Павловича.

Всей душой Степан Петрович ненавидел эту лысину. Подумать только: у него, гения радиотехники, волосы торчали пучками, не желая выпадать окончательно, а у этого неандертальца, поглядите-ка, сверкает, словно маслом натёртая. Но надо отдать лысине должное: благодаря её блеску Юрий Павлович выдал свою позицию. Теперь Степан Петрович мог проследить взглядом траекторию его движения и понять, куда тот пробирался. Смог, наконец, увидеть того самого Дмитрия Григорьевича, который отдалённо от всех сидел в окружении целой кучи разнообразных артефактов. И ринулся наперерез врагу.

К столу, заваленному предметами, которые могли быть интересны разве что таким людям, как Степан Петрович и Юрий Павлович, они подошли одновременно. Продавец,

крупный дядька с усами, каким позавидовал бы сам Леонид Аркадьевич, с интересом посмотрел на вновь прибывших. Интерес в основном заключался в том, что эти двое пытались прожечь взглядом друг в друге дыры, но вели себя совершенно спокойно и молчали. Когда оба они увидели «Фестиваль», начали наперебой торговаться.

Дмитрий Григорьевич, не готовый к подобному интересу со стороны покупателей, хотел было тут же уступить предмет тому, что лысее, как вдруг в воздухе прозвучала сумма, от которой у усатого бизнесмена вспотели ладони. Да и не только, надо думать. Лысый мужчина тут же поник, развернулся и ушёл. Так Степан Петрович стал счастливым обладателем радиоприёмника «Фестиваль» 1957 года выпуска. Опытного образца, на оцинкованном заднике которого значился номер модели: 000 03. А Юрий Павлович остался с носом, чему Степан Петрович был несказанно рад. Жалел, конечно, потраченных пятидесяти тысяч рублей, но выражение лица заклятого врага стоило каждой копейки.

Антон Сергеевич, будучи лучшим другом и товарищем, сразу же получил приглашение в гости посмотреть на чудо советской техники. И вот, пока Степан Петрович выискивал в своей квартире место, где приёмнику было бы самое место, тот вдруг издал слабое шипение, будто настраиваясь на нужную волну. Затем громко и чётко позвучали слова диктора: — Дождь синоптики обещали только внутри.

Приёмник замолчал, оставив Степана Петровича в пол-

нейшем недоумении. Не столько из-за того, что техника решила вдруг включиться без питания, а по большей части из-за содержания сообщения, которое он получил, находясь совершенно один в квартире на четвёртом этаже. Разве дожди могут идти внутри?

Но тут же перед глазами возникло поникшее лицо Юрия Павловича, отвлекающее от любых других мыслей. Отчего такая вражда? Да всё просто: от большой и светлой любви. Скажете, глупость? Ах, если бы! Степан Петрович, будучи выпускником ЛИТМО, влюбился тогда в Александру Матвеевну, молодую и подающую надежды выпускницу того же института. Вот только Юрий Павлович, в те времена завидный жених, потому как мать с отцом научные деятели, заинтересовал Александру Матвеевну куда больше, чем уже тогда начавший лысеть Степан Петрович. Вот и упорхнула к нему.

— Экий гад, — себе под нос бурчал Степан Петрович, не замечая, что откуда-то с потолка начала капать вода.

Одна из капель, разбившаяся о проплешины на голове, заставила его, наконец, посмотреть наверх. И замереть с открытым ртом, потому как потолок куда-то пропал, и вместо него сверху над Степаном Петровичем нависали тяжёлые тучи. Он видел, как внутри них сверкают молнии, готовясь обрушиться на несчастную, не до конца полысевшую голову настоящий водопад. В подтверждение своих намерений тучи разразились оглушительным громом. А после всего это-

го, когда Степан Петрович едва мог собраться с мыслями от крайнего испуга, небеса под потолком квартиры на четвёртом этаже разверзлись, орошая проливным дождём нажитое за пятьдесят лет имущество.

Степан Петрович бросился было за ведром или тазиком, но почти сразу остановился. Какое уж тут ведро? Дождь зарядил будь здоров, ноги уже по щиколотку находились в воде, и заканчиваться это необъяснимое чудо природы не намеревалось. Степан Петрович в панике побежал к двери, но поскользнулся и пролетел мимо, на ходу задевая всё, что только можно было задеть.

Вода всё прибывала, и, лёжа на полу, он понял, что необходимо подняться повыше, иначе можно захлебнуться. Кое-как встал: воды уже по колено. С трудом передвигая ногами, решил во что бы то ни стало добраться до входной двери, чтобы хотя бы выпустить всю воду в общий коридор, как вдруг в соседней комнате вновь услышал шипение радиоприёмника. Диктор провозгласил:

— Штормовое предупреждение!

В эту же секунду пол под ногами Степана Петровича начал ходить ходуном. Он как-то бывал на маленьком рыболовецком судне и тогда попал в шторм. То, что происходило сейчас в его квартире, ни в какое сравнение не шло с тем, что он пережил тогда. Ничем не закреплённые, вещи летали из стороны в сторону, угрожая разmozжить ему голову. Степан Петрович, не сильно большого веса, и сам сейчас, вереща от

ужаса, кувыркался от одной стены к другой, больно ударяясь частями тела обо всё, что только можно.

Один из таких ударов пришёлся аккурат макушкой о ножку стола. Простонав, Степан Петрович дёрнулся, попытался удержаться, но всё же потоки воды и опасный наклон унесли его прямо на открывшиеся на кухне шкафчики, полные кухонной утвари. С размаху он влетел прямо в довоенный чешский фарфор, который матушка сто лет назад привезла откуда-то из Европы. Осколки больно впились в тело, заставив Степана Петровича в последний раз протяжно взвыть.

В ту же секунду он услышал стук в дверь. Зашипело радио:

— Передавали ясную погоду!

И всё прекратилось. Едва живой Степан Петрович только и мог, что умолять о помощи, но никто его не услышал. Слишком уже толстые стены, а дверь тем более. Кто бы ни пришёл в гости, он так и оставил несчастного умирать в одиночестве.

Дмитрий Григорьевич, стоявший всё это время на улице, облокотившись о фонарный столб, с удовольствием выдохнул клуб вишнёвого дыма, заставив малолетку, проходившего мимо, закашляться. Усы его задорно подрагивали, на лице заиграла улыбка. Рука опустилась в карман пиджака, выудила оттуда блокнот. Открыв последнюю страницу, Дмитрий Григорьевич обрубком карандаша, что висел тут же на верёвочке, вычеркнул имя с клетчатого листа. Следующим

стояло: Юрий Павлович. Мужчина сунул блокнотик обратно в карман и, весело насвистывая мелодию из «Поле чудес», побрёл по улице, зашёл за угол и исчез.

Антон Сергеевич потом ещё долго будет вспоминать тот ужас, что переживёт буквально через несколько минут. Когда друг не открыл дверь, Антон Сергеевич вдруг понял, что что-то неладно. Консьерж, добрая душа, тридцать лет знавший Степана Петровича, тут же согласился отпереть дверь и проверить, всё ли в порядке. Вместе они и застали Степана Петровича мёртвым, с застывшим на лице выражением бесконечного ужаса. А вот «Фестиваля» в квартире не было. Только десять лет спустя, когда уже и Юрий Павлович по непонятным причинам погиб, Антон Сергеевич наткнулся на приёмник на Уделке и почему-то знал, что это тот самый.

Крупный дядька с усами, которым позавидовал бы сам Леонид Аркадьевич, лишь загадочно улыбнулся новому клиенту, сказал, что знает, чем того удивить. И предложил Антону Сергеевичу «Фестиваль». Вот только лауреат премии имени А. С. Попова не был так одержим радиотехникой, хоть и посвятил ей половину своей жизни. Покачал головой да ушёл восвояси. А Дмитрий Григорьевич только посмеялся, вынул свой блокнотик, поставил галочку напротив имени Антона Сергеевича и захлопнул. И больше «Фестиваль» никто и никогда не видел.

Отдел памяти

Работу в наше время найти не так-то просто, а уж хорошую, за которую можно будет получить неплохие деньги, и подавно. Но я не зря последние два года обивал пороги предприятий, которым требовались ясные умы и свежие силы. И вот в один прекрасный день, когда я уже готов был отправиться подрабатывать дворником или, того хуже, выдавать гамбургеры в какой-нибудь забегаловке, таинственный голос в трубке сказал:

— Институт приглашает вас на собеседование.

Институтом в Городе назывался огромный комплекс, расположенный у Третьего края. Если точнее: в конце Второй слева от Третьей улицы, но это все знали и так. Знали, потому что об Институте ходили различные байки, причём обычно не самого положительного толка. То у них эксперименты над людьми, то ещё что. Но я был молод, глуп и самонадеян, так что ни о чём таком не думал. Мне назначили время, и я ждал дня X.

Внутри Институт был так же огромен, как и снаружи, и без провожатого было не обойтись. Десятки этажей, сотни коридоров и тысячи дверей. Единственное, что показалось необычным: среди них не было ни души. Сотрудники прятались в своих отделах и не показывались. Меня провели в помещение для собеседований, долго выясняли уровень моих

знаний, заставляли решать какие-то непонятные задачи и в конце устроили тест: попросили рассказать мои самые ранние воспоминания.

Уж не знаю, для чего им это было нужно, однако все мои ответы удовлетворили слушателей. Никто не произнёс дежурной фразы: «Мы вам перезвоним». Нет, меня сразу же приняли на работу и отправили на семнадцатый этаж обустроиваться на новом месте в Отделе памяти. Должность нарисовали странную: «Специалист реконструкции личности». Дали подписать какие-то бумажки, но я не особо вникал. Работа есть работа.

В отделе кроме меня вроде бы ещё были люди, но я никого не видел. Мне выделили отдельный кабинет три на три метра, без окон и с фальш-дверью, которая сливалась со стеной. Посреди комнаты стояло кресло, подобное стоматологическому. Всё, что от меня требовалось — просто сидеть в этом кресле, надев на голову особый шлем. Где-то сзади при этом открывалось маленькое окошко, и проектор показывал на противоположной стене различные кадры. Я целыми днями просматривал их, а затем шёл домой. Все равно что ковыряться в сети и просматривать короткие ролики.

Так повторялось снова и снова. Я сидел в кресле, получал за это деньги и был доволен. Конечно, отсутствие живого общения и вся эта таинственность в Институте немного давила на нервы, но гонорар легко помогал справиться с такими мелкими проблемами.

Однажды голос по внутренней связи заставил меня вздрогнуть:

— Поздравляем! Вы справились с обучающей программой. С завтрашнего дня начнётся реконструкция памяти.

Услышав только первое слово, я расплылся в улыбке. Ничего не делаешь, а тебя поздравляют. Не работа ли мечты? На следующий день, когда я вновь оказался у себя в кабинете, на месте моего кресла стояло новое. Оно было довольно странным: вроде бы на вид гораздо удобнее предыдущего, вот только на руках и ногах тут же затянулись автоматические ремни, оставив меня без движения. Я попытался вырваться, но ещё два ремня сковали тело.

Я этого не видел, но чувствовал, как по спине вдоль позвоночника движется какая-то металлическая пластина. Когда она достигла шеи, я вдруг ощутил такую сильную боль: десятки мелких иголок вонзились прямо в позвонки. Я хотел закричать, но почему-то не мог. Откуда-то сверху на голову опустился шлем. Он полностью закрывал голову, закрепившись на плечах. И только линзы, расположенные в прорезях для глаз, позволяли видеть, что происходит напротив.

Меня пронзила новая волна боли. На этот раз уколы почувствовались в висках и на затылке. Финальным аккордом страданий было жжение на сгибе руки. Казалось, будто мне поставили капельницу: я почувствовал, как по жилам растекается какая-то жидкость. И в ту же секунду стало так легко. Мир закружился, наполнился красками. Я вдруг перестал

чувствовать боль. Перестал думать обо всём, только поддался этой эйфории и уставился на стену напротив. Откуда-то сверху раздался механический голос:

— Запуск программы. Начало реконструкции.

В этот момент на стене начали появляться кадры. Я видел своё рождение. Смотрел на мир глазами ребёнка, прямо с момента появления из утробы матери. Вот доктор взял меня на руки, заставил закричать. Я увидел больничные стены, акушерок и её, мою мать. Она улыбалась мне, а я кричал. Кричал, потому что мне больно делать первые вдохи, больно видеть яркий свет. И всё же я рад. Я счастлив тому, что родился.

Жизнь проносилась перед глазами. Я постепенно рос. Учился чему-то новому. Вот я делал первые шаги, а вот сказал своё первое слово. Моя мама рада и утирает слёзы. Она счастлива, а вместе с ней счастлив и я. Затем я увидел странную картину: мама сидела на краю моей кровати и плакала. Она держала меня за руку, а я понимал, что перед глазами всё расплывалось. И откуда-то знал, что моя жизнь почти закончилась. В этот момент где-то над головой прозвучало:

— Остановка реконструкции. Построение ответвления. Реструктуризация последних воспоминаний. Формирование вероятностей. Построение модели событий. Запуск программы.

Кризис миновал. Вот я, а вот мама. Я продолжал расти, а она наблюдала за моими успехами. Когда мы вместе сидели

за столом, а на нём стоял торт с тридцатью свечками, голос над головой возвестил:

— Завершение программы. Поздравляем! Вы успешно сформировали личность.

Иглы вырвались из моего тела. Шлем поднялся наверх. Ремни отпустили, и я смог подняться, но тут же упал на холодный пол без сил. Видел только, как открылась дверь и показались чьи-то ноги, но затем потерял сознание.

Очнулся уже дома. Чувствовал себя отлично. Практически ничего не помнил, но какие-то мелочи пробивались на поверхность. Вроде бы мне делали больно. Но так ли это? На столе кухни лежал конверт, полный денег. А значит, я прекрасно справлялся со своей работой. Вот только нужно было каждое утро выполнять тест: записывать свои самые ранние воспоминания. И сегодня мне было тяжело что-то вспомнить.

Представительный мужчина стоял возле стенда, заполненного небольшими чипами. Под каждым из чипов были написаны имена, фамилии и возраст. Он показывал стенд по меньшей мере сотне человек, собравшихся здесь для того, чтобы запечатлеть очередной успех учёных Института.

— Эти чипы — полностью восстановленные личности. Родители, которые потеряли своих детей, жёны, потерявшие мужей, а может дети, не справившиеся со смертью родителей — все вы можете обратиться с заявкой в Отдел памяти.

Наши сотрудники полностью восстановят утраченную личность, а также возьмут на себя все корректировки, которые вам нужны. Ваш муж пил? Исправим! Ребёнок не слушался? Такого больше не будет! А помогут в этом наши специалисты!

Позади него раздвинулись кулисы. На небольшом подиуме в больших креслах сидели десять человек. Они смотрели прямо перед собой абсолютно безжизненными взглядами. Казалось, они мертвы, но нет: грудь у каждого медленно вздымалась и опускалась.

— А с ними... всё в порядке? — спросил кто-то из зала.

— Отличный вопрос! Наши специалисты постоянно подключены к системе и прямо сейчас помогают воссоздать ваших детей или родителей!

Кто-то засмеялся, кто-то похлопал. Парень, задавший вопрос, поднял было руку, чтобы узнать что-то ещё, но огляделся вокруг и вместо этого просто похлопал вместе со всеми. Ведущий уже стремительно пересекал зал, заставляя людей следовать за ним. Взобрался на небольшую сцену, на которой в большой стеклянной колбе плавал сформировавшийся эмбрион.

— А здесь готовые личности обретают тела!

В зале раздались аплодисменты. Уже никто не замечал безжизненных взглядов, направленных в пустоту.

Последняя битва

— Мама! А что они делают?

— Не знаю, доченька. Наверное, ищут еду.

— Еду? — встрял папа. — А выглядит так, как будто пытаются захватить мир.

— О'Нил! Чёрт возьми, пошевеливайся! Необходимо восстановить связь с внешними отрядами!

— Сэр! Есть сэр!

Пошевеливаться было довольно сложно. Несмотря на наличие шести конечностей, которые, казалось бы, должны позволять своему хозяину развивать небывалую скорость, тело еле двигалось. Всему виной были новые бронезилеты, которые командование заказало снабжению после очередного разгромного поражения.

Эти жилеты могли выдержать что угодно, однако полностью лишали возможности расправить крылья и улететь с поля боя, если дело начинало пахнуть керосином. Естественно, для командования одни плюсы: меньше дезертиров, больше смертей. Меньше голодных ртов. И так далее.

Сегодняшним утром разведка принесла ужасные вести: здание, в котором они не так давно создали штаб, подверглось атаке. Никто не знал, как их нашли, но случилось это внезапно: великаны просто впустили свет с улицы, и не все

успели бежать в тоннели.

Один из великанов, поменьше прочих, но всё же огромный, сразу перешёл в атаку. С пронзительными визгами он побежал прямо на отряд Стивенсона, и уже через секунду несколько обычных рядовых были расплющены. Что теперь сказать их семьям? А ещё эта чёртова связь!

Она пропала после бури. Всю ночь Боги метали молнии и осыпали внешний мир бесконечным потоком водяных шаров. О'Нил и остальные не решились даже выглянуть и проверить, каково там, снаружи. Полагались на связь, однако уже через несколько минут стало ясно: связи не будет. А потом явились они.

— Мама! Смотри!

Девочка, вооружённая мухобойкой, носилась по комнате с воинственными воплями, напоминая едва оторвавшуюся от груди амазонку. Она то и дело спотыкалась и падала на пол, уже с десяток раз занозив себе ноги, но это её не останавливало: по стенам лениво ползали тараканы, охота за которыми стала её сегодняшним развлечением.

— Да-да, детка, я вижу! Осторожнее! — она прикрыла мобильный ладонью, чтобы ответить дочери, а затем вернулась к разговору: — Да что вы говорите! Во время осмотра здесь не было ни единого таракана! Уж не знаю, как вы это сделали, но вы не получите ни одного цента, если не решите эту проблему сейчас же!

— Дорогая, я дома!

— Фрэнк! — уже бросив трубку, женщина бросилась на шею мужчине. — Это кошмар! Они повсюду здесь! Ты только посмотри.

Вместе они заглянули в комнату, где из угла в угол носилась их дочь, весело расплющивая жуков мухобойкой. Они и правда были повсюду, причём большинство уже разбежалось, спрятавшись в стенах, однако ещё десятки, если не сотни тараканов ползали по поверхностям. Каждое убийство сопровождалось залиvistым смехом. Родители на миг замерли, наблюдая за своим чадом, и улыбки озарили их лица.

— Ничего, милая. Я уже съездил в службу, через несколько часов приедет обработка. А нам придётся ещё пару дней пожить в мотеле.

Хлоп! Очередной солдат пал на пол, поверженный воинственным ребёнком.

— Мать твою, О'Нил! — огромная конструкция пролетела в нескольких дюймах от головы Стивенсона. — На нас напали! Когда уже будет связь?

Ответ капрала растворился в оглушающем грохоте. Отряд слепо двигался по направлению к коридору В-9, однако потерял ориентиры, когда ночь внезапно сменилась днём, ослепив большинство солдат. За светом явился великан, а затем начался настоящий ад.

— Джонс! — грохот раздался слева, оглушив Стивенсона,

и тот отлетел в сторону. Рядом упала оторванная конечность.
— О Боги!

Грохот. Ещё грохот. Он чувствовал, как конструкция, стремительно опускающаяся на пол, создаёт потоки воздуха, отбрасывающие их в стороны. Очередной удар. Парень, фамилию которого Стивенсон так и не запомнил (лишь то, что у него было двенадцать детей), буквально разлетелся на куски. Новые жилеты, говорите?

— Джонс! Докладывай!

— Докладываю! — прихрамывая, парень подобрался поближе к командиру. Одна из конечностей была оторвана, но он, казалось, совершенно не замечает боли. — Мы атакованы великаном, сэр! Отряды десять и двенадцать достигли цели, однако отряды семь и три всё ещё на поле. От нашего отряда остались лишь мы, сэр!

Стивенсон и Джонс, отброшенные куда-то в щели между деревянными досками, осторожно выглянули из укрытия. Великан был на другом конце помещения, грохоча своим оружием и расправляясь, кажется, с седьмым отрядом. Стивенсон видел, как тела его товарищей расплющиваются от этих невероятно сильных ударов.

Внезапно великан оступился и повалился на спину. Оружие вылетело из рук. Это был их шанс.

— Джонс! Бегом за ребятами. Атакуем великана по команде!

Таракан, кивнув, тут же помчался к другим товарищам,

которые уже начали группироваться, воспользовавшись моментом. Стивенсон же ринулся в другую сторону, по пути захватив с собой несколько ещё живых солдат. Они пробежали мимо убитых, чьи тела были раздавлены. Кто-то всё ещё бился в конвульсиях, однако ничего уже нельзя было сделать: даже медики не соберут то, что осталось.

— Ноги! Бейте по ногам! — увидев, что Джонс собрал немало воинов, скомандовал Стивенсон. В этот же миг десятки жуков помчались на лежащего великана, потихоньку приходящего в себя и уже начавшего шевелиться. Вот они лезут по его телу, совершенно не жалея сил. Вот подбираются к участкам кожи. И начинают кусать.

— Мама-а-а!!!

На вопль родители кинулись в комнату. Дочь лежала на полу и верещала, а её тело покрывали десятки тараканов. Она пыталась встать, но тяжёлый подгузник то и дело перевешивал и отправлял её обратно на пол, стряхивая при этом по инерции нескольких усатых, которые тут же спешили подняться обратно.

Мать бросилась спасать своё чадо, а вот Фрэнка, готового бежать за ней, отвлекло мерное жужжание в другом конце комнаты. Он перевёл взгляд и увидел нечто необычное: наверное, сотни тараканов облепили какой-то предмет и, изо всех сил напрягая крылья, поднимали его в воздух. Он угадал мухобойку, с которой игралась дочь.

— Тоня! Осторожнее!

Жена повернулась на крик и, увидев побелевшего мужа, проследила за его взглядом, но не успела среагировать: мухобойка, поднятая почти к потолку, упала прямо ей на голову.

— Ай! Сделай что-нибудь! Фрэнк!

Крики жены и дочери, наконец, вывели его из ступора. Подскочив, он одним рывком поднял их на пол, мгновенно отряхнул от насевших тараканов и выпроводил из комнаты. Когда развернулся, чтобы оценить обстановку, увидел, как сотни жуков лезут по полу, стенам и потолку, подбираясь всё ближе и ближе. Вот они облепили лампочку, от чего в комнате сразу стало темнее, вот влезли на окно, ещё больше поглощая свет.

— Джонс! Нет! — Стивенсон не успел оказаться рядом. Только увидел, как огромная струя пламени поглотила капрала и ещё десяток товарищей.

Возможно, приказ сбросить бронежилеты был лишним, однако позволил им освободить крылья и подняться в воздух. Оружие великанов было обращено против них же, однако какого-то сильного урона не нанесло.

Появившиеся чудовища эвакуировали того, что помельче, однако самый крупный, заблокировав проход в дальние помещения, остался. В его руках появилась большая цистерна с кнопкой сверху, и он принялся распылять какой-то газ на

ближайших солдат.

— Газы! Всем надеть маски!

Отряды на миг остановились, чтобы сомкнуть недавно прилаженные био-техническим отрядом хитиновые пластины, закрывающие дыхательные пути от различных ядов. Команда разошлась довольно быстро, так что павших воинов было всего-ничего. Впереди, перебираясь через их тела, в бой шёл Джонс.

Времени оплакивать товарищей не было — великан уже вооружился чем-то новым. Сперва раздавил нескольких своей огромной конечностью, а потом достал откуда-то из скрытых во внешней оболочке отсеков маленькую коробочку, высекающую искры. Одна, две. Огонь! Он поднёс горящую коробочку к цистерне и нажал на кнопку.

Поток огня обрушился на передние ряды. Бойл, Фредерик, Андерсон, Миллер, Ковальски: всех поглотило пламя. И Джонс. Бедняга Джонс...

Раздался оглушающий смех, сотрясающий стены. Так могли смеяться только великаны. Это чудовище совершенно обезумело: направляя поток огня на передние ряды, он тут же топтал всех, кто в панике разбежался в стороны, лишь бы не угодить под смертельное оружие. Атака быстро захлебнулась. Теперь все думали только о том, как бы спастись.

— Капитан! — голос О'Нила раздался в наушнике. Связь восстановлена!

— Наконец-то! Отступаем! — Стивенсон кричал так

громко, как мог. — Перегруппировка!

Солдаты бросились обратно в тоннели, и он видел, как парни становятся героями, закупоривая проход своими телами, которые тут же сгорали под напором струи пламени. Ему было невыносимо больно думать об этом, но война только начиналась и требовала полной его отдачи.

— Адмирал Томпсон! Вызываю адмирала Томпсона! — спрятавшись в тоннелях, Стивенсон, едва дыша, орал в микрофон.

— На связи.

— Адмирал! Ситуация выходит из-под контроля! У нас сотни раненых и десятки погибших. Необходимо подкрепление!

Тишина длилась слишком долго. Он слышал, что великан уже прекратил атаковать, но из-за этого стало только хуже. Раньше тот производил столько шума, что легко скрывал за собой звуки поля боя. Теперь же вокруг стояли одни лишь стоны раненых и крики обезумевших от происходящего. Ещё этот чёртов адмирал. Сколько можно молчать?

— Отказано, капитан.

— Но, сэр...

— Сержант Макклири из нашей разведки доложил, что к вашему зданию движется огромная машина с обозначением гвардии смерти. Приказываю немедленно покинуть здание всеми возможными способами. И не приведите их к нам! Конец связи.

— Сэр? Сэр!

Тишина. Твари! Вместо того, чтобы собрать все силы и атаковать великанов, они приказывают отступить! Немыслимо! Слова о машине гвардейцев смерти Стивенсон пропустил мимо ушей.

— Скорее! Это какой-то кошмар!

Тоня подскочила к подъехавшей машине с нарисованным на ней тараканом, перечёркнутым красным крестом. Она чуть ли не сунула свою дочь в руки дезинсектора, показывая множество покрасневших точек на её теле.

— Мэм, спокойно! Отойдите, пожалуйста.

Он отодвинул женщину и спокойно пошёл к задним дверям фургона. Медленно оделся в костюм химзащиты, проверил баллоны с ядом, заправил их в ранец. Подскочивший помощник с трудом натянул конструкцию товарищу на спину.

— А кто это там? — он кивнул в сторону дома, увидев в окне всполох огня.

— Мой муж. Он пытается с ними справиться.

Мужчины засмеялись. Тот, которого целиком и полностью облачили в ужасающего вида костюм, двинулся в дом, на ходу проверяя распылитель. Через минуту после того, как он скрылся внутри, Фрэнк выбежал на улицу. Несмотря на совершенно необычное поведение тараканов, так напугавших его жену, глаза Фрэнка светились от счастья, как у ре-

бёнка, получившего долгожданную машинку в подарок.

— Тоня, ты бы видела! Я их и так, и так, а они всё прут и прут. И я их огнём залил! А они врассыпную, представляешь?

Он всё тараторил, рассказывая о своём сражении, но женщина покачивала на руках дочь, лицо которой было залито слезами и покрыто красными пятнышками. Она смотрела через окно, как дезинсектор входит в комнату и начинает распылять отраву.

— Сэр! Докладываю!

— Не кричи О'Нил. Голова раскалывается.

— Есть, сэр! Докладываю. Все входы и выходы перекрыты. Великаны нашли все тоннели и установили в них трубы с ядом. Здание наполняется газом.

— Много ещё живых?

— Не знаю, сэр, — он закашлялся, и Стивенсон увидел, как изо рта связиста потекла струйка крови.

— Отдохни, мой друг. Славная была битва. Жаль, что закончилась вот так.

— Да, капитан. Очень жаль.

Газ всё быстрее и быстрее наполнял здание. Каждый тоннель, каждая щёлочка, каждый проход: все они вскоре были поглощены зелёным маревом. От этой отравы биотехнологический ещё не смог придумать защиты. Противогазы, хоть и задерживали газ, мешая ему попасть внутрь, не могли спра-

виться с ужасным эффектом, который он оказывал на тела.

Стивенсон окинул взглядом их временный штаб, расположенный в самой глубине здания. Вскоре газ будет и здесь. Всё больше и больше раненых с оплавленными конечностями забегали внутрь, пытаясь спрятаться от едкого вещества, однако только загоняли себя в ловушку, оттягивая неизбежное.

— Я был рад сражаться бок о бок с вами, сэр! — О'Нил, теряя силы, пожал капитану лапку.

— И я, сынок. И я.

Зелёное облако показалось в конце тоннеля, медленно заполняя пространство. До них доносились отчаянные вопли тех, кто не успел доползти до штаба. Двое тараканов покрепче завалили проход прямо перед носом у последних, едва ползущих товарищей, но Стивенсон и слова не сказал. Понимал, что уже ничем не поможет. Да и завал лишь даст им несколько минут, чтобы попрощаться друг с другом.

— Спасибо, ребята! Мы уже думали звонить агенту и продавать этот дом к чёртовой матери.

— Да бросьте! Возвращайтесь через пару дней — здесь ни одной твари не останется. Тараканы, жуки, пауки, да даже крысы, если они тут есть — все подохнут.

— Отлично! Тоня, Алиса! Угадайте, куда мы поедем? — Фрэнк уже отвернулся от дезинсектора и направился к машине, где его ждало семейство.

— За мороженым! — смеясь, крикнула Тоня.

— Ура-ура! Мороженое! — дочь уже забыла о произошедшем, весело подпрыгивала у матери на коленях, предвкушая огромный стакан с несколькими вкусными разноцветными шариками.

Через минуту машина умчалась, оставив на улице только фургон службы дезинсекции.

— Ублюдки, чтоб вам пусто было, — поглядывая на него из соседнего здания, произнёс Маклири, вышедший на разведку.